

Войны древней Руси

Валерий Шамбаров

Разгром Хазарии

и другие войны
Святослава Храброго

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Разгром Хазарии и другие
войны Святослава Храброго
Серия «Войны Древней Руси»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17694372
Разгром Хазарии и другие войны Святослава Храброго: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0419-4

Аннотация

Новая книга известного русского историка Валерия Шамбарова посвящена противостоянию Русского государства и Хазарского каганата.

Как Святославу Храброму и его матери, княгине Ольге Мудрой удалось остановить экспансию хазар и разгромить каганат? Автор подробно рассматривает историю подготовки военного похода князя Святослава Игоревича против жестокого и сильного врага – иудеизированного хазарского государства, пытающегося задушить молодую Киевскую Русь. Книга содержит изображения исторических артефактов, вооружения, схем походов.

Содержание

От автора	5
Рус и Хазар. Между аварами и тюрками	6
Славен и Рус. Славянские государства	14
Хазары и славяне. Соседи и союзники	23
Славянская цивилизация	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Валерий Шамбаров
Разгром Хазарии и другие
войны Святослава Храброго

© Шамбаров В. Е., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

От автора

Искренне рад приветствовать всех, кто открыл эту книгу и читает сейчас эти строки. Наверное, не случайно открыли-то. Значит, вас тоже что-то интересует в нашем далеком прошлом. Вот и меня оно давно интересовало. В частности, интересовало, почему историю Руси принято исчислять только с IX в., с «призвания варягов»? А до них что же, наша земля была пустыней, где ничего достойного внимания не происходило? И вот еще интересно, почему так настойчиво маститые господа и товарищи ученые производят нашу культуру от кого угодно, от греков, римлян, немцев, но только не от нас самих?

Факты показывают совершенно обратное. Что задолго до всяких варягов и независимо ни от каких греков у славян существовали развитые государства, княжества, даже империи. Впрочем, следует отметить и другое – что совершенно неправомерно низводить историю Руси только к славянам. Это, кстати, тоже оказывается «хорошим методом» обеднения нашего прошлого. Отечественные историки рассуждают – вот это, дескать, относится к славянам. Вроде, так и быть, «наше». (Для зарубежных историков – «ваше».) А вот это не доказано, что славянское. Стало быть, «чужое». Подобное деление абсолютно ничем не оправдано. В том числе обычным здравым смыслом.

Вполне можно согласиться с теорией этногенеза Л. Н. Гумилева. О рождении, старении, гибели народов. И с тем, что нынешний великорусский этнос вовсе не идентичен этносу Киевской Руси. Это уже новый, другой народ. Но ведь древние русичи были предками нынешних. А предки древних русичей?.. Тот же Гумилев образно указывал, что у каждой новой системы «есть как минимум два предка, папа и мама». А при формировании этноса в его состав входит не два, а куда больше компонентов. И они тоже для нас совсем не «чужие»! Разве мы с вами отбрасываем то, что лежит за пределами нашей личной биографии? Разве нас не интересует, кем были наши деды, бабки, прадеды? Так почему же в истории мы должны быть «иванами, не помнящими родства»? Данная книга как раз и является попыткой проследить русскую «родословную».

И если понимать слово «мы» образно, в обобщенном, «родовом» смысле, то в глубинах древности мы были не только славянами. Мы были ариями, завоевавшими половину мира. Мы были пеласгами, давшими начало всей античной цивилизации. Мы были доблестными киммерийцами, сотрясавшими грохотом копыт Европу и Азию. Мы были мудрыми скифами, основавшими многонациональную пятисотлетнюю империю. Мы были блестящими роксоланами, чья бронированная конница сметала с лица земли римские легионы. Мы были русами, хорошо умевшими не только воевать, но и дружить, из-за чего их имя с гордостью приняли другие народы. Мы были великими гуннами, наводившими ужас на страны Запада. Мы были антами, сильными и богатыми, но слишком доверчивыми. Мы были отчаянными варягами, пенявшими суровые моря в своих быстрых ладьях. Мы были и финнами, уграми, балтами, торками, берендеями...

Но могу сказать и то, кем мы никогда не были. Не были дикарями, нуждавшимися в иноземных «наставниках». Никогда вплоть до относительно недавних времен не были дегенератами, слепо подстраивающимися под чужие взгляды и стандарты. Не были пауками, живущими за счет соседей. Не были паразитами, основывающими гнезда в телах других народов и сосущими из них соки... И вот за это низкий поклон всем нашим предкам. За то, что они не были такими. За то, что создали для нас великую Русь. И замечательный народ. Оставив ему очень древнюю, дивную и честную историю.

Рус и Хазар. Между аvaraми и тюрками

В середине VI в. из осколков различных племен на Алтае образовался новый народ – тюрки. У них была очень развита металлургия, они создали тяжелую панцирную конницу в доспехах из стальных пластин, вооруженную длинными саблями и копьями. Ударные отряды такой кавалерии дополнялись легковооруженными конными стрелками союзных и покоренных народов. Сами по себе тюрки были немногочисленны. Но они создали своеобразную систему государственной организации – «эль». В степи испокон веков царили взаимные распри, одним племенам оказывалась не лишней помощь против других, защита от них. А тюрки выбирали тех, кто мог стать их друзьями, и инкорпорировали в состав «эля» на равных правах с собственными родами. Благодаря такой системе возник могущественный каганат, сокрушил прежних хозяев монгольских степей, жужаней, и начал широкие завоевания. К 555 г. тюркский властитель Мугань-каган захватил земли на востоке вплоть до Желтого моря, а его дядя Истеми двинулся на запад.

В его войске собственно тюрков было мало – только верховное командование и дружины вождей, а основную массу воинов составляли племена телесцев, включенных в систему эля. Но сражались и распределяли добычу они фактически на равных. И на завоеванных территориях их различают только по погребениям. Тюрки своих покойников сжигали. А если это была важная персона, отправляли с ним на тот свет 2–4 слуг, нескольких коней и баранов и на месте кремации ставили памятник, где усопший как бы от своего лица рассказывает о собственных подвигах. Обычаи телесцев были другими. Они устанавливали мертвецов в могилу вертикально, с луком, мечом и копьем. С вождем хоронили коня. А с каждым простым воином – более дешевую, чем конь, женщину. Но не жен, а рабынь-пленниц – никаких следов женских украшений и одежды археологи в совместных погребениях не находят. Рабынь приводили на место церемонии обнаженными, сворачивали шею и закапывали. Видимо, чтобы духи на том свете не перепутали социальный статус жертвы. Или считали, что мертвецу приятнее находиться в обществе раздетой спутницы.

Истеми-хан разгромил ослабевшее царство печенегов, включив и их в свои вспомогательные войска, и вышел к Аральскому морю. Но здесь тюрки натолкнулись на сопротивление племен вар и хиони. Их еще называли хионитами, тюрки звали их вархонитами, а в Европе они вскоре стали известны под именем аваров. Исторические представления о них в значительной мере искажены, их часто ставят в один ряд с гуннами, тюрками, татарами. Но они были не моголоидами, а индоарийцами, потомками древних сакских племен, белокурыми и голубоглазыми. Не были они и кочевниками, вели оседлый образ жизни. В Приаралье и низовьях Сырдарьи С. П. Толстовым обнаружены остатки их поселений, «болотные городища» (от проживавших здесь когда-то хионитов произошло и название Хива). У них тоже имелась сильная панцирная конница, воевать они хорошо умели и в составе персидских войск сражались против Византии.

В упорной борьбе тюрки их все же одолели. Однако покориться они не желали и решили уйти на запад. Феофилакт Симокатта пишет, что они сами называли себя аvaraми, чтобы внушить к себе уважение, – в Средней Азии было известно и другое, могучее и воинственное племя абаров (вошедшее в состав Тюркского каганата). Но скорее, путаница возникла сама собой из-за слова «вар» – вархонитов в Европе знали плохо, а об абарах были слышаны от побежденных ими болгар и савиров. Тюрки продолжили было движение вслед за вархонитами-аvaraми, но им стало угрожать царство эфталитов. Истеми-хан повернул на юг против нового врага, а переселенцы смогли оторваться от преследования.

В это время Антия под руководством князя Мезенмира вела войну с лангобардами и кутургурами. Лангобарды («длиннобородые») были последним осколком Великого Пере-

селения, все еще продолжавшим бродить по Европе. Их называли «самыми дикими» из германцев. Вид у них действительно был устрашающий. Они не стригли волос, бород, усов, из-за чего лицо было покрыто сплошной косматой массой. Кроме того, перед боем они красили физиономии в зеленый цвет. Они считались очень свирепыми воинами, но и очень неорганизованными. Поэтому чаще терпели поражения. С Эльбы они были выбиты славянами. И вторглись на Волынь, во владения антов, заключив союз с их противниками-кутургурами. Об этой войне сообщают два источника. «Хроника лангобардов» упоминает, что по пути от Эльбы до Паннонии и Италии это племя проходило «страну Антаиб». А «Велесова Книга» рассказывает: «...И та Волынь – первейших родов место, и тогда осерчали вои, и анты Мезенмира одержали победу над готами, разогнав их на обе стороны. А после них потекли гунны, крови славян жаждущие, и готы побратались с гуннами, и с ними на отцов наших напали, и были разбиты и унижены». «Готы» здесь могут быть только лангобардами, а «гунны» – кутургурами, так как далее в том же фрагменте текста говорится о приходе аваров.

Этих пришельцев было не так уж много – по оценкам Л. Н. Гумилева, около 20 тыс. Но, как вскоре выяснилось, сила аваров была не только в их численности. А в хитрости и коварстве. Они появились на Северном Кавказе в качестве скромных беженцев. И вежливо попросили аланского царя Саросия принять их под покровительство. А поскольку аланы были союзниками Византии, то и авары выразили желание стать ее друзьями. Саросий вошел в их положение, оказал поддержку, помог их посольству добраться до Константинополя. Правда, там представителей непонятного народа приняли прохладно, без особого восторга. Но Кавказ был важным плацдармом для действий против Ирана. А эта держава успела оправиться после своих революций, усилиться, создать полки профессиональной конницы. И снова стала грозной соперницей Византии. Поэтому Юстиниан не пренебрег аварями, направил к ним ответное посольство с подарками, традиционными для дружественных «варваров». В 558 г. был заключен союз о совместных действиях против врагов Византии.

Но... в том же 558 г. в Константинополь прибыло посольство Тюркского каганата. И вот оно-то встретило самый радушный прием. Столь могучего союзника, способного угрожать Ирану с востока, византийцы готовы были заполучить всеми средствами. Знали ли об этом авары? Вероятно, да. Дипломатия у них была налажена прекрасно. Они не могли не понять, что из-за них Константинополь с тюрками ссориться не станет, отдаст их на растерзание Истеми-хану. Но авары ждать этого не стали. Мгновенно переориентировались, установив связи с врагами Византии. Причем сделали это тайно, ромеи и их союзники ни о чем не догадывались. А авары внезапно обрушились на этих самых ромейских союзников.

По цепочке, громя одного за другим и не давая опомниться. Сначала неожиданно напали на сабиров. Наложилась и упомянутая ошибка – сабиры их приняли за абаров, за тот самый народ, который прогнал их дедов из Сибири. Паника способствовала разгрому. А авары вслед за ними разбили утургуров, потом залов. И ушли к кутургурам. А здесь их жертвой стали анты, авары принялись грабить и опустошать их земли. «Велесова Книга» пишет: «И так после гуннов напозла на нас великая беда, это обры, которых было как песка морского, и которые решили обложить данью всю Русь. И тем обрам противостояли и стояли поперек, но не много лада было в Руси, и через это обры одержали силу воинскую над нами».

Разумеется, аваров было меньше, чем «песка морского», но ведь они выступали в союзе с кутургурами, которых Менандр называет «против антов исполненными лютой ненавистью». Подключились склавины, враги антов. Был заключен союз и с лангобардами. Кроме того, авары нашли у антов уязвимое место, разоряя в первую очередь их поля, обрекая тем самым на голод и подрывая способность к сопротивлению. А союз с Византией пользы антам не принес. Особенностью ее политики было то, что она лишь использовала своих «друзей». Но никогда даже пальцем о палец не ударила для помощи им. Немым свидетельством оже-

сточенной борьбы за Антию является Пастырское городище в Черкасской обл., разгромленное в это время. Археологи находят и многочисленные антские клады: люди опять зарывали свои богатства. (О чем как раз и писал император Маврикий – дескать, славяне «необходимые для них вещи зарывают в тайниках» и «ничем лишним открыто не владеют».)

Когда анты были разбиты и «приведены в бедственное положение», они попытались вступить в переговоры с аvaraми и выкупить пленных. Послом поехал сам князь Мезенмир. Менандр Протиктор сообщал, что он вел себя дерзко, «говорил более высокомерно, чем подобает послу», – но тут же указывается другая причина судьбы Мезенмира. Кутургуры подсказали аварскому кагану Баяну: «Сей муж приобрел величайшее влияние среди антов, он способен противостоять любому из своих врагов. Поэтому нужно его убить, а затем беспрепятственно совершать набеги на чужую землю».

Авары так и поступили, грубо нарушив все правовые нормы. Об этом же факте упоминает «Велесова Книга» сразу после рассказа о войнах Мезенмира с «готами» и «гуннами». «Затем пришли обры и князя нашего убили. И так сине море отошло от Руси». А Менандр указывал, что после убийства князя авары «чаще, чем раньше... разоряли землю антов и не прекращали поработать, уводить и грабить». Кстати, уводы в рабство – еще одно свидетельство оседлой аварской культуры. Ведь в хозяйстве кочевников использование невольников весьма ограничено. А выхода на работоторговые рынки авары не имели.

После сокрушения антов и утургуров князь кутургуров Заберган уже не опасался за свои тылы и в 559 г. вместе со склавиными учинил очередное вторжение в Византию. Три группировки прокатились по Македонии, Фракии, сам Заберган подступил к Константинополю. С большим трудом его смог отогнать престарелый военачальник Велизарий, возвращенный ради этого из отставки. И лишь получив богатую дань, кутургуры покинули Византию. Но их соперники утургуры уже оправались от поражения, и Юстиниан спешно направил их князю Сандлиху просьбу о помощи. Утургуры совершили ответный набег, уничтожили один из трех отрядов Забергана на пути домой, а награбленное отобрали и вернули грекам. Кутургуры возмутились. И между двумя болгарскими племенными союзами разразилась жесточайшая война. А плоды ее пожали авары. Обе стороны понесли такие потери, что пришельцы подмяли под себя ослабевших кутургуров. Которые из друзей и покровителей превратились в фактических аварских вассалов. Да и склавины очень быстро перешли на положение подданных.

Разгромленные сабиры вообще исчезают из исторических хроник. Они предпочли передаться под покровительство персидского шаха и были поселены в Азербайджане, где появляются топонимы Сабир, Сабирабад и др. Какая-то часть, возможно, ушла и к русичам. Л. Н. Гумилев даже производит от сабиров этноним северян, но это ошибка. Славяне-северяне зафиксированы в византийских хрониках среди племен, вторгавшихся на Балканы в VI в. И никакого отношения к сабирам они не имели. Хотя население на Дону и Донце действительно стало смешанным. Археология показывает, что здесь появляются какие-то носители иранской культуры – может быть, залы или осколки других сарматских племен, отступившие сюда от аварских и кутургурских ударов. Они поселились среди русичей, вместе с ними отбивались от врагов и постепенно «ославянивались».

Ну а авары, добившись лидерства в Причерноморье, вместе с лангобардами, болгарами и славянами в 567 г. двинулись в Паннонию. Уничтожили здесь королевство гепидов (еще одних союзников Византии). После чего лангобардов от себя благополучно спровадили. Завоевывать Италию. Она после войн византийцев с готами так и не оправилась, лежала в развалинах, население ее сократилось вдвое. А лангобарды усилились за счет побежденных и младших союзников – гепидов, свевов, болгар, славян, в 568 г. вторглись на Апеннинский полуостров, без особого труда захватывая города и основав свое королевство. Византия смогла удержать только Рим, Венецию, часть Центральной Италии и юг Апеннинского

полуострова. Вероятно, и это потеряла бы. Но сказала нелюбовь лангобардов к централизации и дисциплине. Их королевство почти сразу распалось на герцогства, не признающие власти короля и ссорящиеся между собой. Так что византийская дипломатия смогла использовать одних герцогов против других.

А авары остались в Паннонии полными хозяевами, найдя вокруг озера Балатон условия, сходные с родным Приаральем. Построили 9 городов, подобных своим среднеазиатским «болотным городищам», – германские хроники называют их «рингами» (кругами). Они представляли собой военные лагеря, окруженные кольцами земляных валов и палисадами, и располагались так, чтобы держать под надзором всю территорию захваченной страны. В рингах сосредотачивались запасы продовольствия, собираемая дань, награбленные сокровища. И из Паннонии авары стали терроризировать и подчинять всех соседей.

Их главные враги, тюрки, в это время не могли достать своих «бежавших рабов», как они презрительно именовали аваров, поскольку втянулись в войны за Среднюю Азию. Прежде грозная Согдиана, сотрясавшая мир волнами сарматских племен, давно уже расплескала свои силы, утратила агрессивность, и теперь ее называли «веселой» Согдианой. Это была страна больших торговых городов, богатых купцов, контролировавших транзитную торговлю шелком из Китая на запад. А шелк стоил баснословно дорого. Не только из-за красоты – шелковая одежда была в древности единственным надежным способом уберечься от насекомых. Сама же Согдиана поставляла в другие страны уже не воинов, как раньше, а ковры, ремесленные изделия и танцовщиц. Потому что египетские и сирийские исполнительницы эротических танцев после принятия христианства «сошли со сцены», и их место заняли туранки. Они по древней сарматской традиции привыкли плясать полуголыми или почти без покровов, считались «зажигательными» и высоко ценились в Китае, Персии, Аравии, Индии.

Но когда Согдиана превратилась в мирную и «веселую», она стала объектом притязаний соседей. И ее население, в общем-то, не возражало, лишь бы хозяева «оплачивали» владычество поддержанием порядка и не мешали жить и торговать. Однако захватившие Среднюю Азию эфталиты перессорились и воевали со всеми сопредельными государствами, что подрывало торговлю, оборачивалось поборами и вражескими вторжениями. С тюрками против эфталитов охотно заключил союз Иран. И согдийские купцы тоже приняли сторону тюрков. Сочли их каганат как раз той силой, которая нужна – способной установить прочную власть, обеспечить расцвет хозяйства и торговли. Эфталиты были разгромлены и изгнаны.

Но тюрки и Иран тотчас превратились из союзников во врагов, не поделив плоды побед. В результате столкновений почти вся Средняя Азия осталась за каганатом. А грамотные и многоопытные согдийские купцы нашли себе место при тюркских властителях – стали у них финансистами, советниками, дипломатами. Возобновилась пересылка посольствами между Истеми-ханом и Константинополем. Между ними был заключен торговый договор и военный союз. И тюрки предприняли новый поход на запад. Чтобы покорить тамошние народы и в обход враждебной Персии пробить дорогу к Византии: от китайцев каганат получал в виде дани большое количество шелка, а греки соглашались покупать его по высоким ценам.

Между Уралом и Волгой тюрки подчинили угорские народы. При этом три племени угров взбунтовались против завоевателей, бежали в Паннонию и присоединились к аварам. А на Северном Кавказе и в степях между Волгой и Доном тюркам оказали сопротивление барсилы, аланы и утругуры. Как сообщал Менандр, они «были одушевлены безмерной бодростью, полагались на свои силы и осмелились противостоять непобедимому народу тюркскому». Разумеется, полагались они не только на свои силы, а надеялись и на заступничество союзной Византии.

Но еще один местный народ встретил тюрков отнюдь не в качестве врагов – хазары. Это были потомки древнего скифского населения Восточной Европы. Арабские и персидские авторы указывали, что исконный их язык не был тюркским. А легенда из арабского труда «Маджмал-ат-таварих» сообщает: «Рус и Хазар были от одной матери и отца». Хазары обитали на берегах Каспия, в долинах Терека и Сулака. Были оседлыми, ловили рыбу, выращивали виноградники и огороды. И отличались от соседей одним обычаем, по которому и теперь выделяют их погребения, – из-за каких-то своих представлений они страшно боялись «ходячих мертвецов». Поэтому покойникам проламывали головы и отрубали ноги. После чего погребали уже чинно и благопристойно – мертвец был больше не опасен.

Но хазарам крепко доставалось от болгарского племени барсиров, которому принадлежали соседние степи. Если люди могли укрыться от набегов в болотах и зарослях, то дома и виноградники с собой не унесешь. Приходилось покоряться, платить дань. В древних описаниях прикаспийский регион севернее Кавказа называется не «Хазарией», а «Барсирией». Властители мобилизовывали хазар и во вспомогательные отряды при своих набеге на Азербайджан. Да и вообще, видать, держали в черном теле. Поэтому в начавшейся войне хазары поддерживали тюрков. Для пришельцев это оказалось очень кстати. Они далеко оторвались от родных мест, им требовалась опора в завоеванных краях. Каковой не могли стать народы, покоренные оружием. Дружественных хазар инкорпорировали в систему «эля», и китайские хроники называют их «тюркским поколением» – так обозначались народы, добровольно вошедшие в состав каганата и равноправные с тюрками. Для самих хазар могучее покровительство принесло освобождение, они тут же отыгрались на прежних обидчиках. Источники конца VI в. указывали, что теперь уже барсирлы прячутся от хазар на островах в дельте Волги. Но те продвинулись на север вслед за побежденными и разгромили их окончательно. После чего роли поменялись, барсирлы перешли в подчиненное положение к хазарам.

А надежды аланов и утургуров на Византию оказались тщетными. Она заботилась только о собственных интересах. Диктовавших союз с тюрками. Так стоило ли портить с ними отношения из-за каких-то там дружественных «варваров»? Которые и теперь никуда не денутся, продолжают воевать за византийские интересы, но уже в составе каганата? В результате аланы с утургурами потерпели поражение и стали тюркскими вассалами. Возникла огромная держава от Черного моря до Желтого. Но западнее Дона тюркам продвигаться уже не удалось. Поскольку «бежавшие рабы» авары тоже успели создать «сверхдержаву», контролирующую земли от Альп до Приазовья.

Причем их империя была ничуть не похожей ни на готскую, ни на гуннскую, ни на тюркскую. Она была основана не на силе или союзах, а на поразительном умении использовать принцип «разделяй и властвуй». Играть на межплеменной розни, поддерживать «друзей» против их врагов, но при этом и «друзья» попадали в аварскую зависимость. И Аварский каганат стал подобием «пирамиды» из многих народов, которые по сути сами покорили друг друга. На вершине очутились авары, ниже – более полноправные вассалы, еще ниже – менее полноправные или совсем бесправные. Племена, оказавшиеся в преимущественном положении, пользовались относительной самостоятельностью, сохраняли самоуправление, только признавали над собой верховную власть кагана и выставляли войска по его требованию. Другие облагались данью. И на одних подданных всегда можно было воздействовать с помощью других.

Да и воевать авары предпочитали чужими руками. Каган Баян, угрожая императору Юстину II, заявил: «Я таких людей пошлю на Римскую землю, потеря которых не будет для меня чувствительна, хоть бы они совсем погибли», – и отправил в набег 10 тыс. болгар. Франкский историк Фредегарий свидетельствовал, что авары в бою всегда располагали на передовых линиях славян. Баян заключил союз с Персией, начавшей очередную войну

против Византии. И на нее посыпались уже не стихийные, а скоординированные славянские и болгарские вторжения.

А южная полоса России оказалась таким образом разделена по Дону между владениями Аварского и Тюркского каганатов. У Тюркского внутренняя структура была иной. Он был разделен на восемь уделов, связанных между собой сложной системой лестничного подчинения. Были уделы, подчиняющиеся верховному владыке – Тобго-кагану, были «уделы от уделов», и ханам более высокого ранга подчинялись младшие ханы. Так, уделом Нижней Волги и Урала владел Турксанф. А его вассалом был хан Северного Кавказа Бури. Но союз тюрков с греками оказался недолговечным, начались разногласия. Выяснилось, что Византия через своих агентов сумела заполучить личинки шелковичного червя и создавала собственную шелковую промышленность – расчеты каганата на сверхприбыли не оправдались.

Кроме того, согласно союзному договору, Константинополь обязался не заключать мир с аварами. Но Византию достали набегами, и она заключил такой мир. Пошла и на сепаратное перемирие с персами, а в результате Иран высвободил войска, нанес удар по владениям тюрков и отнял у них несколько городов в Средней Азии. Тех рассердило столь одностороннее понимание ромеями союзнических обязательств, и в 576 г. каганат начал войну. Его войска осадили и захватили города Боспора. Потом произвели набег на Крым. Византийцам могло достаться куда круче, но тюрки в это же время воевали с Китаем, а на «западном фронте» боевые действия вели только войска удельных ханов Турксанфа и Бури, в основном состоявшие из местных народов – утургуров, аланов, хазар.

Аварский каганат тоже отнюдь не ограничивался набегами на Византию. Неоднократно громил Тюрингию, Чехию, Силезию, земли славян по Эльбе и Одера, победил и взял в плен короля франков Сигберта Австразийского. И, стравливая племена, расширял собственное влияние. Самые дальние народы авары пытались вовлечь в зависимость дипломатическими мерами. Так, Феофилакт Симокатта описал случай, когда к византийскому императору привели троих славян с берегов «Западного океана», то есть с Балтики. У них не было никакого оружия, только «кифары». И они рассказали, что каган прислал их «племенному владыке» большие дары, предлагая вступить в союз и выставить вооруженную силу против греков. Дары были приняты, а от союза их князь отказался «за дальностью» и направил их троих в качестве послов сообщить об этом. «Но каган, забыв все законы по отношению к послам», задержал их, не пуская домой. И они бежали в Византию. Кифары же они носят из-за того, что не привыкли облекаться в оружие. И Феофилакт развил мысль, что это племя славян вообще мирное, не знает войн и железа.

Историки дружно не доверяют его сообщению – мол, это сказки о далеком народе, живущем в «золотом веке». Хотя в действительности Феофилакт Симокатта допустил только одну ошибку. Трое славян говорили не о своем племени, а лишь о себе и своем сословии. Ведь и у кельтов певцам-бардам не полагалось брать в руки оружие, но они обладали неприкосновенностью и исполняли дипломатические функции. Как видим, те же обычаи были присущи славянам. Но авары, как и в случае с Мезенмиром, не посчитались с иммунитетом послов. И ясное дело, что после такого грубого нарушения международных норм их союз с прибалтийскими княжествами не сложился.

Но если с дальними племенами каган пытался заигрывать, то ближние соседи, славяне Моравии, Богемии, Волыни попали в полную неволю. Их нещадно эксплуатировали, насильно мобилизовывали во вспомогательные части и на работы, всячески измывались. Об этом сообщает «Велесова Книга»: «Примучены мы были от обров, даже... воинов своих посылали в Грецию» (32. 22–30). То же слово «примучили» применяет и Нестор в отношении дулебов, живших на Волыни и входивших в антский союз. И не случайно «Повесть временных лет», весьма скупая уделяющая внимание дорюриковским временам, все же отразила

ужасы аварского ига, рассказывая, как «обры», «великие телом и гордые умом», не только насиловали славянских женщин, но и ездили на них, впрягая в повозки вместо коней и волов.

Кстати, историки и литераторы почему-то любят рассуждать о жестокости «варваров», противопоставляя им гуманизм «цивилизованных» народов. Хотя все исторические факты свидетельствуют об обратном. «Дикий» кочевник может ограбить врагов, взять в плен, перебить, но до садистских забав он не додумается. Для него они не имеют смысла, а значит иррациональны. Везде и всюду изощренная жестокость выступала побочным продуктом «культуры», а не «варварства». Что и проявилось в случае с аварами, осколком древней высокой цивилизации Турана, когда они вдруг оказались властителями могущественного государства.

И многие славяне стали уходить подальше от них, в Византию. Как повествуют греческие хроники, «славяне начали без страха селиться на землях империи». Одни организовано, стараясь договориться об убежище с местными властями. Другие перетекали «явочным порядком», захватывая пустующие районы. В 578 г. Дунай пересекла первая крупная партия беженцев – около 100 тыс., в 581 г. последовала вторая. Впрочем, и переселенцы были разные. Одни удирали от аваров. А других направляли сами авары. В 581 г. они захватили Сирмий, ключевую крепость в Иллирии, и двинули в этот край подчиненные славянские племена, так что занятая ими Иллирия попала под власть Аварского каганата.

А некоторые переселенцы сами лезли под аваров. Описание чудес св. Дмитрия Солунского сообщает, как огромная славянская флотилия лодок-однодревок подступила к Солуни. Славяне осаждали ее два года, но взять не могли. И обратились к кагану, обещая признать подданство, если поможет захватить город. Авары откликнулись, прислали конницу. Однако овладеть Солунью все равно не получилось. Причем продержаться город сумел благодаря помощи другого племени славян, велесичей, ранее поселившихся в Македонии и продававших осажденным продовольствие.

Аналогичные эскадры причаливали к Эгейским островам, появлялись на Адриатике. И каган всемерно поощрял славянское мореплавание, задумал создать собственный флот. Обратился к королю лангобардов Агиульфу, чтобы тот прислал из Италии опытных кораблестроителей и инструкторов, и возникла славянская морская база в Дубровнике.

Византии в результате этих миграций и аварских ударов пришлось очень туго. Император Тиберий вынужден был заключить с Баяном позорный договор, обязуясь выплачивать ежегодную дань в 80 тыс. золотых монет. Но когда в 582 г. на престол взошел Маврикий, каган потребовал увеличения дани. Император было отказал – и получил массированное нашествие, после чего пришлось согласиться.

А каган вел себя вздорно и капризно. Узнав, что у императора есть зверинец, потребовал, чтобы оттуда прислали слона. Когда же животное с невероятными трудностями доставили в Паннонию, презрительно скривился и сказал, что передумал – пусть слона отправят обратно, а пришлют золотой трон. Мог разорять города до основания, а мог вдруг пощадить г. Анхиал (Бургас) – из-за того, что здешние целебные воды помогли любимой жене Баяна. Мог широким жестом подарить византийцам тысячу их пленных, отобранных у славян. Зато в другой раз начал торговаться. Греки не могли заплатить требуемый выкуп, просили сбавить цену – тогда каган хладнокровно велел перебить 12 тыс. мужчин, женщин и детей. Значительную часть угнанных жителей авары просто селили в Паннонии на положении невольников – чтобы обеспечивали господ сельскохозяйственной продукцией, ремесленными изделиями.

Тюрки вели себя еще более свирепо. В 582–583 гг. они попытались по берегу Черного моря вторгнуться в Грузию, союзную византийцам. Однако были остановлены в Абхазии, понесли большие потери и отступили. При этом увели все население, которое смогли поймать и в отместку за неудачу на обратном пути учинили жуткую гекатомбу – вырезали всех

угнанных, 300 тыс. человек. Но война с тюрками прекратилась так же внезапно, как и вспыхнула. Сложная система удельного подчинения в каганате продержалась только одно поколение. Сразу после смерти верховного Тобго-кагана она обернулась сварами. Да и система «эля» оказалась далекой от идеала. Множество племен, вошедших в каганат, были далеко не дружны между собой.

В 584 г. это вылилось в ожесточенную междоусобицу, каганат раскололся на два – Западный и Восточный, граница между которыми проходила примерно по Алтаю. Каганом Западного стал Кара-Чурин, а его придворное окружение, верхушку чиновничьего аппарата составили согдийские купцы. Которым требовались мирные отношения с греками, чтобы через черноморские порты продавать свои товары. Последовал обмен посольствами, Византии был возвращен Боспор. Кара-Чурин и Маврикий восстановили союз и в 589 г. начали совместную войну против Ирана, напав на него с нескольких сторон.

Персы кое-как сумели отбиться, но у них начались внутренние смуты. Шах Ормизд был свергнут и убит. Его наследник Хосрой Парвиз бежал в Византию, попросил помощи у Маврикия. И тот послал свои войска, которые вместе со сторонниками законной династии разгромили мятежников и посадили принца на престол. Казалось, перед Константинополем открываются блестящие перспективы. Персы уступили все спорные территории, их шах признал Маврикия «названным отцом».

А тюрки опять сумели объединиться. Заключили с греками договор о разграничении сфер интересов: каганат отказывался от экспансии в Закавказье, а император – от интриг среди северокавказских народов. И византийско-тюркский союз стал могущественной силой, которой вряд ли кто смог бы противостоять. Но каганат снова начал борьбу с Китаем. В нем не прекращалась и межплеменная рознь. Чем и воспользовалась китайская дипломатия, ничуть не уступавшая византийской. Западные и восточные тюрки перессорились окончательно, передрались между собой и потерпели сокрушительное поражение от Китая и его союзников. В результате оба каганата вынуждены были признать зависимость от Китая. Да, и такое было в истории нашей страны – Средняя Азия, Южная Сибирь, Урал, Нижнее Поволжье, Кубань, Северный Кавказ на 10–15 лет вошли в подданство Китайской империи. Хотя, разумеется, оно было чисто юридическим. Император Поднебесной никогда не интересовался, что там творится в волжских и кубанских владениях его вассалов. Да и местные жители не знали и не догадывались о своем подданстве далекому Пекину.

Славен и Рус. Славянские государства

В 592 г. император Маврикий решил покончить с аvaraми. Но начать он решил не с самих аваров, а с тех, кто составлял главную силу в их набегах, со славян. В Доростоле была сосредоточена армия под командованием Приска. Каган было возмущен военными приготовлениями, но Приск заверил, что собирается лишь наказать славян, и авары махнули на это рукой – откуда видно их отношение к собственным вассалам. Перейдя границу, византийцы внезапно атаковали городище князя Ардагаста и разгромили его. Сам князь едва избежал плена, бросившись в реку.

Вскоре разведка Приска донесла, что на подходе новое славянское войско. С помощью шпиона, хорошо владевшего славянским языком, этот отряд удалось заманить в ловушку, разбить и вынудить к сдаче. От пленных узнали, что они – авангард армии, которую ведет их «царь» Музокий. Используя эти сведения, византийцы сначала разгромили на Дунае приближавшуюся славянскую флотилию из 150 ладей, а потом неожиданной ночной атакой уничтожили войско Музокия, взяв в плен и его самого. Арабский энциклопедист X в. Аль-Масуди, ссылаясь на не дошедший до нас труд о славянах Аль-Джарми, жившего на сто лет раньше и собиравшего сведения в византийском плену, сообщал, что некогда существовало единое государство славян «Валинана», а царя ее звали «Маджак». В данных сведениях, видимо, объединилась разнородная информация. «Валинана» – вероятно, Антия, одним из главных племен которой были волыняне (дулебы). А «Маджак» – знакомый византийцам Музокий (кстати, окончание «кий» может быть титулом).

Не исключено, что под властью Музокия славяне действительно усилились, поэтому авары и не возражали против их разгрома византийцами. Или рассчитывали, что стороны измотают друг друга в боях. И только после побед Приска каганат счел нужным вступить за своих подданных и выразить протест. Но Приск согласился уступить аварам половину захваченной добычи и пленных, 5 тыс., и каган успокоился. Правда, император остался недоволен таким решением и сместил Приска, назначив на его место своего брата Петра. А славян вторжение разозлило, последовали их ответные нападения. Петру пришлось отражать их. В 597 г. он предпринял еще один поход за Дунай. В первом сражении славянское войско потерпело поражение, а его предводитель князь Пейрагаст был смертельно ранен. Но когда Петр рискнул углубиться во вражескую землю, у реки Гелибакий (Яломица) его армия была разгромлена и понесла огромные потери. С трудом выведя остатки войск в империю, Петр был отстранен, император вернул командование Приску.

Тут-то и выяснилось, что авары ведут свою игру. Поражением византийцев они немедленно воспользовались и начали вторжение. Одна их армия атаковала Сингидун (Белград), другая осадила Приска в Томах. Высланный императором корпус Коментиола был разбит, авары подступили к Константинополю. Прорваться через Длинные стены не смогли, но Маврикию в 600 г. пришлось опять согласиться на увеличение дани. Однако терпеть подобное положение он не намеревался. Получше подготовился, и армия Приска внезапно, без объявления войны, ударила на Аварский каганат, нанеся ему два тяжелых поражения. В плен попали 3 тыс. аваров, множество славян и болгар.

Одновременно корпус Гудвина двинулся на славянские земли. Использовалась и дипломатия. Гудвин сумел найти общий язык с князьями антов. Они под впечатлением побед Приска отложились от каганата и выступили на стороне Византии. Совместно с Гудвином разгромили склавинов, аварских союзников. Возможно, тут-то и пришел бы конец господству кагана. Но... Византия унаследовала многие болезни Римской империи. Теперь уже Константинополь превратился в мегаполис, переполненный избалованной чернью. Забывшей про всякий патриотизм и требовавшей дармовых раздач и зрелищ – правда, не глади-

аторских боев, а пышных церковных праздников и особенно гонок колесниц, где соперничающие партии болельщиков, «зеленые» и «синие», доходили до свалок и побоищ между собой.

Маврикий одолел персов и аваров – на это столице было наплевать. Зато война требовала подтянуть пояса, отказаться от дорогостоящих развлечений – и за это Маврикия возненавидели. А армия по-прежнему состояла из наемников, преследующих только собственные интересы. И в 602 г., когда император потребовал от нее остаться на зиму за Дунаем, на вражеских территориях, чтобы не дать противнику восстановить силы, легионы взбунтовались. Провозгласили императором некоего Фоку и двинулись на Константинополь. Столица тоже восстала. Бежавшего Маврикия поймали. Фока велел у него на глазах казнить его детей, а потом и его самого.

Но византийцам очень быстро пришлось раскаяться. Байка тех времен гласит: когда Фока вошел в храм, один монах ахнул: «Господи, какого ты нам дал императора!» И услышал голос: «Худшего по вашим грехам я не смог найти». Он оказался свирепейшим тираном. Войну с аварами прекратил, согласившись на новое увеличение ежегодной дани – уже до 200 тыс. золотых. И обрушился на подданных, отправляя их на смерть по малейшему подозрению. Уничтожил практически всю знать, лично пытал жен аристократов, вытягивая все новые имена «виновных». Казнили целыми семьями вместе со слугами, знакомыми, близкими. Обезглавливали, вешали, а особенно император любил казни в медном быке: в него помещали приговоренного, быка раскаляли и жарили человека.

Ну а антам-то пришлось отдуваться. За то, что поверили в союз с Византией и выступили против каганата. Теперь они оказались брошены на произвол судьбы. И последовала кара. В 602–609 гг. авары подвергли их земли таким ударам, что с этого времени имя антов вообще исчезает со страниц истории. Но почти одновременно, в 605–620 гг., произошли массовые переселения славян на Балканы. Туда потекли целыми племенами, оседая в Македонии, Иллирии, Греции. Опять по разным причинам. Уходили осколки народов Антии. Но и сами авары нацеливали туда своих подданных, поскольку граница уже совсем не охранялась.

Переселилась часть лужичан – они стали сербами. Переселились хорваты, обитавшие в Галиции (часть их осталась на прежнем месте, они известны как «белые хорваты»). А среди славянских этнонимов, упоминаемых в Македонии и на Пеллопоннесе, встречаются поляне, смольняне, северяне, кривичи, древляне. Между прочим, византийские хроники об этих событиях говорят лишь мельком. Если следовать им, то возникает впечатление, будто империя жила как ни в чем не бывало, сохраняла свою целостность. И лишь позже, в X в. Константин Багрянородный проговорился, что в описываемое время «вся провинция ослабилась и сделалась варварской». А в XI в. из синодального послания патриарха Николая II императору Алексею Комнину вдруг выясняется, что в начале VII в. Пеллопоннес был совершенно захвачен славянами, и византийская власть 218 лет не имела там своих чиновников и представителей.

Но переселения шли и в другом направлении – на север, в глубины лесов. Северяне оставили степи и отступили в леса Северского Донца. Как сообщают летописи (и подтверждают археологические данные), в конце VI – начале VII в. случилась миграция кривичей, живших на Немане и страдавших от аварских набегов. Во главе с князем и жрецом Криве они отправились на новые места. Сокрушили балтское государство в верховьях Западной Двины, разгромив его центры Банцеровщина и Тушемля. И достигли Псковского озера. На север двинулось и племя словен с частью русов, перебравшись в район Ладоги. По времени это тоже увязывается с гибелью Антии (при раскопках обнаружена византийская монета 617 г.).

О данном переселении рассказывает легенда, переданная «Мазуринским летописцем»: «Славен и Рус с роды своими отлучашася от Ексинопонта (Черного моря) и от роду своего,

и хождаху по странам вселенная, яко крылатии орлы перелетаху пустыни многие, ищуще себе места на селение, и во многих местах почивающе мечуще их, и нигде же не обретоша себе селения» – и, наконец, через 14 лет скитаний Славен основал город, «иже ныне зовется Великий Новгород». Часто этот отрывок считают аналогом легенды о братьях Славене и Скифе из «Иоакимовской летописи» и «Велесовой Книги». Но такое отождествление совершенно неправомерно. Ситуация в легендах принципиально иная. Славен и Скиф «многие земли о Черном мори и на Дунае себе покориша». А Славен и Рус – изгнанники, «отлучашася от Ексинопонта» и не знающие, где приткнуться. Это уже не скифское время, а аварское. И отметим, что только в «Мазуринском летописце» основанный город соотносится с Великим Новгородом. В Иоакимовской летописи Славен основывает «Словенск», а в «Велесовой Книге» просто «свой город».

Ну а беды Византии отнюдь не кончились. Воспользовавшись ее ослаблением из-за смут и репрессий против нее начал войну шах Ирана Хосрой Парвиз. Предлогом послужила месть за шахского благодетеля и «приемного отца» Маврикия. Хотя это, конечно, было лишь поводом, а не причиной. Хосрой стал попросту прибирать к рукам бывшие владения «приемного отца». И возобновил союз с аварами. Византию начали бить с двух сторон. Одна за другой пали пограничные крепости в Малой Азии, персы ворвались в Сирию.

А Фока продолжал зверствовать. В 610 г. он арестовал жену экзарха Египта Ираклия и невесту его сына. Под подозрение попал и зять императора Приск. Понимая, что терять им нечего, они сумели быстро организовать и нанести удар. Египетский экзарх посадил на корабли отряд солдат под командованием сына, которого тоже звали Ираклием. А Приск встретил его в Константинополе и обеспечил высадку. За Фоку не вступился никто, весь город радостно приветствовал его свержение. Он был выдан на суд народу и сожжен в том же медном быке, в котором сам любил сжигать подданных. Престол достался сыну экзарха Ираклию.

Но империя была настолько ослаблена, что не могла противостоять врагам. Персы захватили Каппадокию, Сирию, Палестину. Этим победам весьма способствовала «пятая колонна» в лице евреев. В Иране их купцы и ростовщики пользовались покровительством шахов, занимали важное положение. И поддерживали связи со своими ближневосточными соплеменниками. Которые становились шпионами, агитаторами, диверсантами. Открывали персам ворота крепостей. И наживались после их взятия, скупая пленных. За свои услуги попросили Хосроя отдать в их распоряжение Иерусалим, и он согласился. В результате после взятия города в 615 г. произошла чудовищная вакханалия. Евреи разорили и сожгли храм Гроба Господня и прочие святыни, перерезали 35 тыс. христиан.

Затем иранцы захватили Египет, огромную часть Малой Азии. А с запада Византию терроризировали авары, их кони беспрепятственно паслись во Фракии и Греции. В ближайших окрестностях Константинополя каган чуть не захватил в плен самого Ираклия, пригласив на переговоры, – император был предупрежден в последний момент и едва сумел ускользнуть от погони. В 619–620 гг. каган и шах решили добить Византию. Авары осадили Константинополь, персы приближались к нему с востока. Ираклий даже собирался эвакуироваться в Карфаген и перенести туда столицу. Но его убедили, что еще не все потеряно.

Спасла византийцев дипломатия. Учитывая разнородный состав аварской армии, они провели сепаратные переговоры с вождями кутургуров. Сыграли на обидах, которые терпели болгары от аваров, заплатили крупную сумму и уговорили отступить. Склонили к перемирию и иранского полководца Саита, направили посольство из 70 важных персон к шаху. Но Хосрой переговоры отверг. Вероятно, не без влияния еврейских советников, поскольку заявил: «Если Христос не мог спасти Себя от евреев, убивших Его на кресте, то как же Он поможет вам?» Послов велел заковать в кандалы и бросить в тюрьму, а с Саита

за согласие на перемирие содрать кожу. И возобновил войну, поставив главным военачальником Шахрварза.

Но все эти маневры помогали Византии выиграть время. А Ираклий, талантливый военный и администратор, отнюдь не сидел сложа руки. Именно при нем империя окончательно рассталась с «римской наследственностью», и хотя сохранила название Римской, превратилась по сути в новую, греческую. Впрочем, и слово «греческая» надо понимать условно. Греки данной эпохи уже не имели практически никакого отношения к древним эллинам. После готских, гуннских, славянских, аварских нашествий прежнее население почти исчезло, «оазисы эллинизма» сохранялись только в районе Афин и крупных городах – Константинополе, Солуни. А Балканы были заселены другими племенами, в основном славянскими.

Часть из них «огречивалась», но во многих местностях вплоть до XIX в. разговаривали на славянских языках. Лишь после освобождения Греции из-под турецкого ига англичане и французы, взявшие ее под «покровительство», повели целенаправленную «эллинизацию» (дабы оторвать ее жителей от России). Орудием в этой кампании стала греческая интеллигенция, получавшая образование на Западе. В школах был установлен только греческий язык, ученикам внушалось происхождение от древних эллинов, а память о славянских корнях была стерта.

Однако в VII в. это новое население оказалось куда более энергичным и боеспособным, чем прежнее. Что позволило Ираклию провести кардинальную армейскую реформу, отказавшись от наемничества. Он стал создавать «фемы», административные области, которые одновременно были и воинскими соединениями, – каждая фема содержала и выставляла определенное число солдат. Император договорился с рядом славянских племен, их переправляли целыми общинами в малоазиатскую Вифинию, где и организовывались первые фемы. А в 622 г. Ираклий оставил Константинополь на малолетнего сына Константина при регентстве патриарха Сергия и патрикия Вона и отправился к новым войскам. Полгода занимался их обучением, а потом ударил по тылам персов, снова нацелившихся на Византию, и нанес им поражение.

Нашелся у него и союзник, хотя и «неофициальный». В 623 г. несколько славянских племен в Моравии объединились под руководством князя Само и сбросили аварское иго. О Само известно очень мало. Фредегарий даже объявлял его франкским купцом. Но другие источники, например, Зальцбургская летопись, опровергают это, называя Само славянским вождем. (О том же говорят и его действия, поскольку франков он тоже успешно лупил.) Авары попытались раздавить возникший очаг непокорства. Однако Само нанес им серьезное поражение и отразил. Что послужило примером для других племен. Они тоже стали выходить из повиновения кагану, примыкая к новому княжеству. Под властью Само собралась внушительная коалиция из славян Чехии, Моравии, Силезии, бассейна Эльбы. И хотя авары еще сохраняли высокую боевую мощь, справиться с возникшим союзом они уже не могли.

А Ираклий сделал своей главной базой Лазику и Колхиду – юго-восточный «угол» Черноморского побережья. Византия сохранила господство на морях, и отсюда император мог поддерживать связь со столицей. Здесь он привлек кавказских горцев и западных грузин, доведя армию до 120 тыс. бойцов. И с 623 г. повел отсюда ежегодные походы вглубь владений шаха. Вторгался в Армению, Агванию, Месопотамию. Поскольку персы в Иерусалиме захватили главные христианские святыни, Ираклий вел войну под религиозными лозунгами, пытался привлечь христианские народы Закавказья. Но они его не поддерживали, рассматривали в качестве завоевателя. Восточная Грузия, Армения, Агвания выступили на стороне персов. И борьба шла с переменным успехом. То Ираклий одерживал победы, брал города, то его обкладывали иранские полководцы, вынуждая отступать назад в Лазику.

Однако успела измениться и политическая обстановка на Востоке. В Китае, еще недавно громившем тюрков, в 613–620 гг. вспыхнула жесточайшая гражданская война. Пала династия Суй, к власти пришла династия Тан. Но в ходе войны погибло две трети населения, хозяйство было разрушено. Чем воспользовались тюрки и восстановили оба своих каганата, Западный и Восточный. Но эти каганаты кровно враждовали между собой. Восточный начал войну против ослабленного Китая. А китайцы заключили союз с владыкой Западного, Тун-Джабгу.

Вспомнил о прежних связях и Ираклий. В 625 г. направил послов к Тун-Джабгу, и между ними был реанимирован самый что ни на есть дружественный альянс. Весьма опасный для Персии. И шах немедленно принял соответствующие дипломатические меры – заключил союз с Восточным каганатом. Создалась ситуация, каковой еще не бывало в истории. Шесть крупнейших мировых держав разделились на две коалиции. Аварский каганат, Персия и Восточный Тюркский каганат – против Византии, Западного Тюркского каганата и Китая. В орбиту их борьбы оказались также втянуты королевство франков, княжество Само, болгарские, славянские, сибирские, центральноазиатские племена.

Сражения развернулись на нескольких фронтах. На «византийском» в 626 г. нанесли удар авары и персы. Не в силах справиться с рейдирующей армией Ираклия, шах задумал довести до конца прежний план двойного удара по Константинополю. Аварский каган двинул на него все подвластные народы. Только его авангард греки оценивали в 300 тыс. Очевидно, преувеличенно, но в этот раз войско было действительно гигантским. Нахлынув по всему фронту, оно проломило Длинные стены, заняв пригороды, виллы и поля, благодаря которым константинопольцы могли выдерживать долгие осады.

Теперь эта масса подступила непосредственно к стенам самого города. А на азиатский берег Босфора вышла, взяв Халкидон и Хрисополь, персидская армия Шахрварза. Каган был настолько уверен в победе, что «великодушно» разрешал горожанам уйти, позволяя каждому взять с собой лишь рубаху и плащ и поясняя: «Вы ведь не можете обратиться в рыб и искать спасения в море или в птиц и улететь на небо». Но на Босфоре господствовал греческий флот и не дал союзникам соединиться. И каган бросил своих подданных на штурм без персов. Со стен их встретили тучами стрел, градом камней, варом и кипятком. Но авары швыряли в бой все новые и новые волны славян, заполнявших телами глубокий ров. Силясь раздавить византийцев массой, гнали следующие отряды, карабкавшиеся по трупам и тоже погибавшие. Наконец, каган смилостивился, велел прекратить самоубийственные атаки и строить 12 осадных башен. С таранами, камнеметными машинами и лучниками, которые поражали бы защитников.

Однако когда штурм возобновился и башни подтащили к стенам, византийцы впервые применили свое новое изобретение, «греческий огонь». Состав его до сих пор неизвестен – из специальных устройств-сифонов выбрасывались струи горячей жидкости, и потушить ее вода не могла. Башни и толпы атакующих были сожжены. Но и после этого каган не уgomонился. Рассчитывал на свой флот, славянский, способный переломить ход осады. Вскоре он подошел. Тоже огромный. Но состоял из множества небольших судов и лодок. И при попытке прорыва в Босфор тяжелые византийские корабли в двух сражениях разметали и уничтожили его. И вот теперь авары испугались. Испугались, как бы подданные за такие потери не отыгрались на них самих. Бросили остатки своих войск и бежали. Тогда и персы сочли за лучшее отступить. Кстати, разбирая завалы трупов, покрывших все предполье, греки находили многочисленных «амазонок» – женщин-славянок, участвовавших в штурме. То есть авары действительно рассчитывали одолеть количеством и провели общую мобилизацию подвластных племен.

А в следующем году состоялся двойной удар Византии и Западного Тюркского каганата – на Закавказье. Персы не ожидали тут прорыва тюрков, надеясь на мощные укрепле-

ния около Дербента, где от гор до моря тянулась стена высотой 18–20 метров с 30 башнями. Но оборонялась она местным ополчением, необученным и плохо вооруженным. Тюрки засыпали защитников ливнем стрел, совершенно деморализовали, взяли укрепления одним приступом и устроили побоище.

Моисей Каланкатуйский писал: «Гейшах (*наместник*) видел, что произошло с защитниками великого города Чора (*Дербента*) и с войсками, находящимися на дивных стенах, для постройки которых персидские цари изнурили страну нашу... Видя страшную опасность со стороны безобразной, гнусной, широколицей безресничной толпы, которая в образе женщин с распущенными волосами устремилась на них, содрогание овладело жителями, особенно при виде метких и сильных стрелков, которые как бы сильным градом одожили их и, как хищные волки, потерявшие стыд, бросились на них и беспощадно перерезали их на улицах и площадях города. Глаз их не щадил ни прекрасных, ни милых, ни молодых из мужчин и женщин, не оставлял в покое даже негодных, безвредных, изувеченных и старых; они не жалобились, и сердце их не сжималось при виде мальчиков, обнимавших зарезанных матерей; напротив, они доили из груди их кровь, как молоко. Как огонь проникает в горящий тростник, так входили они в одни двери и выходили в другие, оставив там деяния хищных птиц и зверей».

Погромив Агванию, каган Тун-Джабгу повел армию к Тбилиси, куда подошел и Ираклий с византийцами. Встреча владык прошла очень торжественно, Ираклий пообещал кагану в жены свою дочь Евдокию (кстати, и китайский император обещал выдать за него царевну). Два месяца шла осада, отражались вылазки грузин и персов, во время которых погиб грузинский царь Стефан, однако на штурм Ираклий и Тун-Джабгу не решились – каждый был себе на уме и опасался ослабить свое войско, чтобы плоды победы не пожал лишь его союзник. Наконец, в окрестностях иссякли запасы корма для лошадей, и каган увел армию, заверив императора, что вернется на следующий год.

А Ираклий снял осаду и сделал еще один неожиданный ход. Вместо того чтобы, как в прошлые годы, уходить на зимовку в Лазику, внезапно устремился в самое сердце Ирана. Ворвался в долину Тигра, около Ниневии разгромил персидское войско, а в начале 628 г. захватил шахскую резиденцию Дасдагерд, гаремы и сокровища. Город, дворцы и все трофеи, которые не удавалось вывезти, безжалостно уничтожались. В Персии начались разброд и паника. Хосрой мобилизовывал в войско чиновников, прислугу. У него еще была боеспособная армия Шахрварза, стоявшая в крепостях Сирии и Малой Азии, но шах впал в прострацию. Он уже никому не верил, во всем винил своих полководцев, объявил Шахрварза и его помощников изменниками и приговорил к смерти. Греки перехватили приказ о их казни и услужливо переправили в руки приговоренных. Шахрварз немедленно заключил с византийцами перемирие, поднял войско и пошел на родину. Хосроя свергли и казнили, а на престол военные возвели свою марионетку Кавада Широе. Ираклия попросили о мире, и он согласился: надорвавшаяся Персия устраивала его в качестве соседа больше, чем грозные тюрки.

Но сепаратный мир между Византией и Ираном, конечно же, не удовлетворил Тун-Джабгу. Тюркам-то ничего не досталось. И каган решил восполнить сие упущение. В 628 г. его армия снова подошла к Тбилиси. Теперь тюрки действовали для себя, а не для византийцев, поэтому без долгих проволочек ринулись на штурм, взяли город и устроили резню еще похлеще, чем в Дербенте. Во время прошлой осады грузины оскорбили кагана, выставив на стене карикатуру на него – тыкву с нарисованными щелками глаз. За это население города было истреблено до единого человека.

Затем племянник кагана Бури-шад был направлен с частью войск в Агванию – уже не для простого набега, а для ее полного завоевания. Персидский наместник бежал, тюрки принялись разорять край, и Агвания капитулировала. После чего Бури-шад отрядил

3 тыс. воинов под командованием Чорпан-тархана на завоевание Армении. Из Ирана против них было выслано 10-тысячное войско, но разбитая страна пребывала в хаосе, солдаты были сомнительного качества. И несмотря на численное неравенство, Чорпан-тархан заманил противника в засаду и уничтожил.

Это была вершина могущества Западного каганата. Китайский посол Сюань Цзан, посетивший ставку Тун-Джабгу, описывает ее богатство и великолепие. Упоминается и о том, что китайцы застали у кагана послов из Византии, от народов Месопотамии, Средней Азии. И из Руси. Правда, расшифровка этнонимов в китайской передаче далеко не однозначна, но в принципе это могло быть. Северская Русь граничила с владениями каганата на Дону, была заинтересована в союзе против общих врагов – аваров и их вассалов кутургутов.

Однако война продолжалась и на других фронтах. Против Тун-Джабгу вел операции владыка Восточного каганата Кат-Иль-каган. Шли и боевые действия между Восточным каганатом и Китаем. Причем все противники использовали не только копья и стрелы, но и пропагандистское оружие. Китайцы и эмиссары Тун-Джабгу сеяли раздоры среди племен, входящих в Восточный каганат. А эмиссары Кат-Илькагана – среди племен, входящих в Западный. И непрочность обеих тюркских держав со слишком уж разношерстным составом подданных сказалась в полной мере. В 630 г. Восточный каганат взорвался восстаниями, был добит китайцами и прекратил существование. Почти одновременно взбунтовались и племена Западного каганата, чьи интересы в составе этого государства так или иначе оказались ущемленными. Возглавил недовольных Кюлюг-Сибир, дядя Тун-Джабгу. Убил кагана и захватил престол. Смута тут же распространилась на армию – тоже разноплеменную. Например, болгары-утургуры поддерживали узурпатора, а хазары остались верными законным претендентам. Тюрки покинули Закавказье, и началась гражданская война.

В том же 630 г. внутренний раскол потряс Аварский каганат. После катастрофы под Константинополем в нем зрело недовольство. И когда авары очередной раз попытались направить на греков кутургутов, они восстали. У кагана еще хватило сил разгромить их. Но в подчиненное положение они уже не вернулись. Часть их бежала к франкам, однако там по приказу короля Дагоберта кутургутов просто перебили, припомнив им прежние набеги. Другая часть отступила не на запад, а на восток. К родственным утургурам, с которыми в результате международных интриг им 80 лет пришлось враждовать. И князь утургуров Кубрат принял их.

При болгарском восстании из каганата ушла и масса потомков греческих пленников, угнанных аварами и поселенных в Паннонии. Они явились в Византию, доставили множество проблем правительству, но в конце концов получили места для поселения. Вышли из-под власти каганата хорваты, сербы. И ситуацией решил воспользоваться король франков Дагоберт. В 631 г. он заключил с Ираклием союз против аваров. Но Дагоберт преследовал сугубо собственную выгоду и не рискнул напасть на недавних потрясателей Европы. Вместо этого вдруг двинулся не на аваров, а на их врагов – на княжество Само, сочтя его более легкой добычей. Король жестоко просчитался. Само дважды разнес в пух и прах его армии и надолго отбил у франков охоту лезть на славянские земли.

А племена Западного Тюркского каганата все еще рубились в междоусобных драках. Болгарский князь Кубрат сначала поддерживал узурпатора Кюлюг-Сибиря, который приходился ему дядей по материнской линии. Но вскоре тот погиб, эпицентр гражданской войны сместился в Среднюю Азию, и в 635 г. Кубрат совершенно отделился от гибнущего каганата. Основал независимое Болгарское ханство, где кутургуры и утургуры слились в один народ. Нанес поражение аварам, став хозяином всех степей от Кубани до Дуная. И направил посольство в Константинополь. Ираклий обласкал его, пожаловал титул патрикия и богатые дары. Ведь после того, как юную царевну Евдокию, уже отправленную в гарем тюркского

кагана, пришлось вернись с дороги из-за гибели жениха, империи требовалось искать новых союзников.

Получилось так, что Персию-то Византия разгромила, от аварской опасности избавилась, но... ничего не выиграла. Потому что тоже серьезно подорвала свои силы. Усугубил положение сам Ираклий. В возвращенных шахом областях – Сирии, Египте, Закавказье – значительная доля христиан была монофизитами (исповедовавшими, что Христос имел не две природы, божественную и человеческую, а только одну, божественную). Императору хотелось прочнее привязать их к Византии, он распорядился найти компромисс между православием и монофизитством. И родилась новая ересь, монофелитство (утверждавшая, что природы было две, но связанных «одной волей»). Из замысла ничего не вышло. Монофизиты компромисс не приняли, но и православные его отвергли. По Византии покатались споры и раздоры на религиозной почве.

А плодами греко-тюрко-персидской войны в полной мере воспользовалась «третья сила». Арабы. Племена которых как раз в это время объединились учением Магомета и начали свои завоевания. Измотавшаяся Персия смогла выставить против них только наспех собранное и необученное ополчение. И в 636 г. в битве при Кадеше была наголову разгромлена небольшой, но сплоченной и вдохновленной идеями ислама армией халифа Омара. Из стран Ближнего Востока, уступленных Ираклию, иранцы свои войска вывели. Но и греки укрепиться как следует там не успели. Арабы захватили их шутя, при минимальном сопротивлении. А к 651 г. почти полностью завоевали Персию. Образовалась новая мировая держава, Арабский халифат. Столицей его стал Дамаск.

В древние времена прочным «тылом» Парфии и Ирана была Средняя Азия. Но теперь ее все еще раздирала война между осколками Западного Тюркского каганата. Местных жителей подобное положение совершенно достало. Вместо мира и процветания тюркская власть принесла Согдиане только бесконечные драки, разорявшие край. И перед бывшими повелителями все чаще захлопывали ворота городов, встречали их стрелами, требуя убраться с глаз долой. В 651 г. очередным узурпатором был убит последний властитель по «законной» линии Ирбис Шегуй-каган, воевать за которого подданные отказались. После чего почти все среднеазиатские города и кочевые племена признали зависимость от Китая. Предпочли власть далекого императора затянувшимся тюркским распрям, да и рассчитывали на помощь перед лицом надвигающейся арабской агрессии.

А наследники и сторонники кагана со своими дружинами бежали к хазарам. Где нашли самый радушный прием, поскольку хазары до сих пор считали каганов рода Ашина своей законной династией. Таким образом, в Прикаспийских степях и на Северном Кавказе возникло еще одно государство – Хазарский каганат. Тюрки составили в нем правящую верхушку и военную аристократию. А основная часть населения была из хазар и барсиллов, которые под тюркской властью успели забыть давнюю вражду и перемешались, постепенно сливаясь в один народ. Таким образом Хазарский каганат стал многонациональным государством, но без национальной розни и порабощения одних племен другими. Что диктовалось и внешними условиями – с запада теперь угрожало Бюгарское царство, враждебное хазарам. С юга – арабы.

Доказательством внутренних отношений, сложившихся в каганате, служит кладбище, обнаруженное археологами в дельте Волги на «бугре Разина» – там представители нескольких народов похоронены в разное время и по разным обрядам, но вперемежку, бок о бок: тюрки, телесцы, хазары, барсиллы, печенег. То есть и жили они дружно, одной общностью. Столицей Хазарии стал г. Семендер на Тереке. Остатки его обнаружены недалеко от нынешней станицы Шелковской. Четырехугольная крепость, цитадель, высокие валы со рвами протяженностью 4 км. Современники описывали, что это был огромный город, утопавший в садах и виноградниках. Но дома были в основном легкими, деревянными, с горбатыми

крышами. А окружали город многочисленные палатки и шатры кочевников, живших тут постоянно или наведывавшихся по мере надобности.

В 658 г. распалось и государство Само – как только умер князь, так и племена, объединенные его властью, рассыпались сами по себе. Но за время существования княжества развеялся миф о всемогуществе аваров. Славяне утратили страх перед ними. И создавали теперь новые племенные союзы, знать не желающие о подчинении кагану. И сам Аварский каганат вдруг неузнаваемо преобразился. Огромная держава, 80 лет сотрясавшая всю Европу, превратилась в довольно небольшое царство. Богатое за счет прошлых грабежей, но... спокойное и миролюбивое. Как только исчезло повиновение подданных, громивших по указке каганов соседей или друг друга, так и реальная аварская сила сошла на нет.

Хазары и славяне. Соседи и союзники

Итак, к середине VII в. карта Восточной Европы изменилась. В лесах развивались славянские княжества, в степях господствовали Болгария и Хазария, на Северном Кавказе вернула независимость Алания, а в горах восточной части Кавказа образовался ряд мелких царств: Серир, Туман, Зарик-Геран, Кайтаг, Табасаран, Лакз, Филан. В Приуралье жили мадьяры, а за Уралом кочевали гузы и печенеги. Отношения между этими государствами и народами были довольно сложными. Болгарами правила тюркская династия Дуло, хазарами – Ашина. Оба рода враждовали между собой. Да и в прошлом между болгарами и хазарами накопились счеты. Их государства стали врагами, что и определяло политический расклад в регионе. Соседство северян и полян со степной Болгарией, судя по всему, было далеко не мирным. И они стали союзниками Хазарии. Кроме того, ханы Ашина установили дружбу с мадьярами. Но печенеги и гузы враждовали с мадьярами (и между собой тоже), поэтому были врагами и для хазар.

Ну а для Болгарии надежными друзьями оставались придунайские славяне, которым она помогла освободиться от аварского ига. А значит, они являлись врагами поднепровских и северских славян. Византия же сначала заигрывала с ханами Дуло, но вскоре этот альянс нарушился. Болгары и придунайские славяне по-прежнему представляли угрозу для ромейских границ. И Константинополь переориентировался на старый союз с ханами Ашина. А Алания в возникшем противостоянии старалась сохранить нейтральную позицию между Болгарией и Хазарией, опасаясь, что ее может подмять как та, так и другая держава.

Возникшая дружба между Константинополем и Хазарским каганатом объяснялась еще и тем, что у них обозначился общий грозный враг. Арабы. Захватив восточные византийские провинции и добив Персию, они вторглись в Среднюю Азию, прибирали к рукам Закавказье. Покорили Армению, Агванию, в 643 г. вышли к Дербенту. И местный правитель, как сообщает Балами, предложил компромисс: «Я зажат меж двух врагов, хазар и русов. Последние – враги всего мира. Поскольку одни мы знаем, как воевать с ними, давайте воевать с ними вместо взыскания с нас дани». Это подтверждает, что Северская Русь выступала союзником хазар и участвовала в их набегах на Кавказ. В составе Арабского халифата покоренным народам приходилось тяжело. Каждый житель государства должен был платить высокую подать «харадж», а иноверцы еще и «джизью». Но для Закавказья поначалу было сделано исключение. Здешные князья сохранили свою власть над подданными, могли собирать прежние налоги в свою пользу, но должны были помогать арабам военной силой. Потому что халифат был окрылен идеей мирового господства, и Закавказье представлялось плацдармом для дальнейшего наступления на север.

Но дальше на пути арабов лежал Хазарский каганат – он-то и стал для них камнем преткновения. Боевое качество тюркских дружин оставалось высоким, да и сами хазары под тюркской властью успели стать опытными воинами. В 654 г. арабы прорвались через Дербентский проход, но возле города Беленджер в Дагестане были атакованы хазарами и разбиты. Вероятно, помогли каганату и союзники, славяне с мадьярами. Мало того, в 660 г. последовало ответное вторжение в Азербайджан. В результате жестоких боев эта страна осталась за арабами, но и их дальнейшие попытки прорваться на север были отражены.

Однако в эти же годы началась другая война, между хазарами и болгарами. Кто ее инициировал, трудно сказать. То ли Болгария, воспользовавшись отвлечением хазар на кавказский фронт, попыталась ударить по тылам. То ли каганат, отмобилизовав армию в сражениях с арабами и имея сильных союзников, решил попутно покончить с давними врагами. А союзниками хазар, судя по дальнейшим событиям, стали те же северяне и мадьяры. Какое-то время борьба шла с переменным успехом. Но хазарам удалось привлечь на свою сторону

Аланию. А в Болгарии умер хан Кроват. И момент оказался удобным для удара. В 670 г. ханство было разгромлено, и болгары разделились. Одна их часть ушла в горы – они стали предками балкарцев. Другая переселилась севернее, на Среднюю Волгу и Каму, создав там новое государство (кстати, еще в XIX в. казанские татары часто называли себя «болгарами»). А третья во главе с ханом Аспарухом отступила на запад. Отметим, что болгары не пошли в Поднепровье или на Дон и Донец. Откуда как раз и видно, что поляне и северяне были для них врагами.

Хазары, преследуя и оттесняя разбитых противников, заняли Тамань, степи Таврии и почти весь Крым, кроме укрепленного Херсонеса и нескольких других городов. Тамань и значительная часть Крыма принадлежали Византии, под ее покровительством находилось и крымское царство готов. Но греки даже не подумали протестовать по поводу захвата своих территорий и покорения своих вассалов – хазары остались их единственными союзниками против арабов. А Константинополю приходилось в это время туго. Халифат теснил его. Многие сирийцы и жители Малой Азии переходили в ислам, в результате арабы обзавелись флотом, совершали рейды по Эгейским островам, нападали на Балканы. С 672 г. их флот регулярно появлялся в Босфоре, разоряя окрестности византийской столицы.

Аспаруха хазары и их союзники продолжали теснить, в 675 г. болгары откатились к Дунаю. Их положение казалось безвыходным. Вверх по течению лежал враждебный им Аварский каганат, еще не потерявший способность защитить свои владения. А за Дунаем была Византия, союзница хазар, там беженцы пристанища не получили бы. Словом, очутились между молотом и наковальней. Однако выход нашелся. На Дунае и в Восточных Карпатах жили дружественные болгарам славянские племена. И Аспарух принял единственно верное решение – сделал свой осколок Болгарии центром их объединения. Точно так же, как создавали новые державы русы или гунны.

Сама Византия тоже была заселена славянами. Некоторые племена обосновались на ее землях «самостийно». Некоторые вступили в соглашение с правительством, получали различные льготы, им сохраняли племенное самоуправление. Но терпеть такое положение греческие власти не собирались. Постепенно старались подчинить переселенцев, лишить изначальных вольностей. Перевести на положение обычных крестьян, распространяя на них тяжелое налоговое бремя империи. Кроме того, славяне традиционно оставались для ромеев людьми второго сорта, «варварами». Относились к ним высокомерно и презрительно, так что основания для недовольства они имели. И все это сыграло на руку Аспаруху.

Ханский аппарат управления и дружины болгарской конницы стали «центром кристаллизации» новой общности, обрастая придунайскими племенами. В 679 г. Аспарух вторгся во Фракию, где нашел множество сторонников. Нанес византийцам несколько поражений и основал на захваченных землях обновленное Болгарское ханство, население которого состояло в основном из славян. Не поработанных пришельцами, а примкнувших к ним добровольно. Поэтому государство получилось крепким и жизнеспособным. Первой его столицей стал г. Плиска. Археологические раскопки выявили здесь сильные укрепления, остатки деревянных домов, памятников, большого каменного дворца с тронным залом и личными покоями, предметы искусства. То есть ханство было далеко не «дикарским». Но очень воинственным. Действовали законы для поддержания постоянной боеготовности – в преддверии войны хан посылал доверенных лиц проверять снаряжение своих подданных. И тех, кто «расслабился», не содержал оружие и коней должным образом, ждала смертная казнь.

Византийцы не смирились с образованием Болгарии. Предпринимали на нее походы. Очень любопытно, как описывают эти войны греческие хроники. Дескать, пришел император с войском, и «презренные» болгары, перепугавшись, попрятались за свои укрепления. Но тут нестати император приболел, ему потребовалось уехать полечиться. Тогда болгары вдруг выскочили и «нанесли вред» войску. Очевидно, следует понимать, что византийцы

были крепко побиты, и их император удрал. Ханство же продолжало укрепляться и расти, вбирая все новые славянские области.

А от изгнания болгар из Северного Причерноморья выиграли не только хазары. В это время расширило свои владения Северское княжество. Как показывает археология, в конце VII – начале VIII вв. северяне значительно продвинулись на юг, укрепились на Дону, в Приазовье. Судя по находкам археологов, Северское княжество установило тесные экономические связи с Хазарским каганатом. Это еще одно свидетельство, что северяне были союзниками хазар, раз они получили часть болгарских территорий. Вероятно, к данным событиям относится легенда, попавшая в арабские сочинения – что Рус и Хазар были братьями, причем Хазар дал Русу какие-то места для поселения, и они разделили между собой землю.

Но «Хазар» уступил территории не только «Русу». В это же время на запад стали переселяться мадьяры. Это был угорский народ, вобравший в себя, как показывают лингвисты, какие-то иранские и тюркские корни (от сарматов и гуннов). И славянские тоже – например, правитель мадьяр носил титул «воевода». В конце VII в. их стали сильно теснить печенеги. И мадьярский народ разделился надвое. Одна ветвь отступила в леса и горы Южного Урала – они стали башкирами. А другая попросила убежища у хазар. Они стали предками венгров. Их было семь кланов, способных выставить 10–20 тыс. всадников.

И хазары их приняли, предоставив им степи между Днепром и Доном. А мадьяры признали себя вассалами кагана, и правитель-воевода в знак дружбы и верности отдал свою дочь в жены хазарскому властителю. Но хотя мадьяры и северяне являлись союзниками каганата, друг с другом у них сложились отнюдь не лучшие отношения. Возможно, русичи сами нацеливались на часть «болгарского наследства», доставшуюся мадьярам. Впрочем, скорее всего, хазары произвели такой раздел преднамеренно. Вряд ли их устраивало чрезмерное усиление соседей-северян. Теперь же каганат создал им противовес.

А Алания своей участи не избежала. Вынуждена была признать над собой главенство хазар. Но против арабов здешние народы по-прежнему выступали плечом к плечу. И война на Кавказе не прекращалась. То хазарская коалиция предпринимала вторжения в Закавказье, то арабы повторяли попытки прорваться на север. Держалась и Византия. С рейдами арабского флота она смогла справиться благодаря изобретению новой конструкции сифонов для «греческого огня». Их стали устанавливать на кораблях, и византийский флот пожег вражеские суда, отучив их соваться в Босфор. Обороне Малой Азии способствовала созданная Ираклием система фем. Но в верхушке государства было далеко не ладно.

Сын Ираклия Константин, унаследовав престол, был отравлен. Захватившая власть мачеха Мартина с сыном Ираклеоном были свергнуты военными, ей вырезали язык, его кастрировали и отсекали нос, отправив обоих в заточение. Внук Ираклия Константин успешно царствовал, но был убит в Сиракузах, где поднял бунт армянин Мизизий, провозгласив себя императором. Его подавил наследник престола Константин IV Погонат. Однако во время его экспедиции в Сиракузы в Константинополе попытались устроить переворот братья Погоната. Мятеж он жестоко усмирил, братьев наказал членовредительством.

Все более самостоятельно начинали вести себя Рим, Венеция и прочие итальянские владения Константинополя. Власть императора их раздражала. Хотелось больших свобод. К тому же папа римский был теперь не только подданным Византии, а духовным пастырем в королевствах франков и лангобардов, имел в них церковные владения. В результате чувствовал себя независимо, появились претензии на исключительность.

А в 685 г. на трон Византии вступил 16-летний Юстиниан II. Человек очень смелый, талантливый, но крайне жестокий и неуравновешенный. Хотя его отец Погонат заключил 30-летний мир с арабами, Юстиниан его нарушил. Одержал ряд побед и добился еще более выгодных условий, халифат уступил половину дани с Армении и Грузии. Император попытался воевать и с болгарами. Был разбит, но решил привести к общему знаменателю сла-

вян, заселивших Балканы. Предпринял экспедицию в Македонию, одни племена согласились безоговорочно покориться, другие были побеждены оружием.

Не без оснований считая, что славянское население является благоприятной почвой для болгарских завоеваний, Юстиниан задумал «убить двух зайцев». Уменьшить долю славян на Балканах и, переместив их на восток, использовать против арабов. По указу императора около 200 тыс. славян были депортированы в Малую Азию для расселения и создания из них воинских частей. В 692 г. Юстиниан снова нарушил выгодный мир с халифатом, надеясь добиться еще больших уступок. Но не тут-то было. Славянам насильственная депортация понравиться никак не могла. Как только начались боевые действия, их 20-тысячное войско во главе с князем Небулосом перешло на сторону неприятеля, из-за чего византийская армия потерпела сокрушительное поражение.

Юстиниан рассвирепел. И велел истребить всю колонию, от которой был выставлен изменивший корпус. Десятки тысяч женщин, детей, стариков были преданы жесточайшим казням. Кроме славян, император рассорился и с Арменией, со своими итальянскими подданными, по какому-то подозрению казнив верхушку граждан Равенны, разругался с папой римским. Вступил в конфликт и с Константинополем, намеревался перебить высший слой общества. Но против него в 695 г. начал мятеж стратиг Леонтий. Свергнутому Юстиниану отрезали нос и сослали в Херсонес.

Леонтий тоже на троне не удержался. Его сверг Тиберий III, лишил носа и отправил в монастырь. Но и Юстиниан не унимался, подбивал жителей Херсонеса на восстание. Его не поддерживали, донесли в столицу. Тогда он бежал в готский город Дорас и снесся с хазарским каганом Ибузиром, договариваясь о помощи в возвращении престола. Каган поддержал его, благосклонно принял, разрешил поселиться в Фанагории на Тамани. И выдал за него свою сестру, несмотря на отсутствие носа. В крещении ее называли Феодорой.

Но император Тиберий направил к Ибузиру посольство с богатыми дарами, требовал выдачи. Юстиниан испугался, что каган согласится, отослал к нему обратно Феодору, убил командира приданной ему хазарской стражи и с немногими сторонниками бежал на корабле к болгарам. Которыми правил в это время хан Тервел. Юстиниан предложил ему союз и обещал всякие выгоды, даже свою дочь от первого брака в жены. Хан согласился, и в 705 г. болгарское войско внезапно подступило к Константинополю. Тиберий организовал оборону, однако Юстиниан с отрядом воинов пробрался в город через водосточные трубы, и в результате возникшей паники столица пала.

На врагов вернувшегося императора обрушился террор. Тиберия и извлеченного из монастыря Леонтия он попирали ногами во время циркового представления, потом казнили вместе со сторонниками. А Тервел получил исключительные почести, был коронован «цезарем», было приказано обращаться к нему с теми же церемониями, как к императору, — как раз с этого момента болгарские ханы стали еще и «царями», и положение их на Балканах значительно упрочилось. Юстиниан постарался восстановить и дружбу с Хазарией. Вызвал оттуда жену, ее первенца по имени Тиберий признал законным наследником. Побывал с визитом в Константинополе и сам каган, и тоже был удостоен чрезвычайных почестей. Вероятно, византийские хроники говорят не все. Похоже, что Юстиниан подарил тестю Херсонес — там вдруг обнаруживается хазарский тудун (наместник).

Но внутри империи репрессии приняли беспрецедентные масштабы. Снова отправляли на смерть итальянских подданных, константинопольскую оппозицию, действительную или мнимую. Юстиниан рассорился с Тервелом, предприняв поход против него, но был разгромлен. Пожелал отомстить и Херсонесу, не поддержавшему его в борьбе за власть. Направил туда карательную экспедицию. Многих горожан казнили, а хазарского тудуна арестовали. Причем на обратном пути экспедиция попала в бурю, погибло две трети кораблей и солдат. Среди херсонесцев прошел слух, что скоро придет второй флот совсем перебить их.

И они восстали, отдавшись под покровительство кагана. Между Хазарией и Византией чуть не началась война. Юстиниан опомнился, послал в Херсонес своих представителей миром уладить конфликт, освободил тудуна.

Однако херсониты уже не верили. Посланцев Юстиниана убили и провозгласили императором некоего Филиппика. Тогда и впрямь на них было направлено войско под командованием патрикия Мавра. Филиппик бежал к хазарам. Но... Мавр со своими солдатами перешел на сторону мятежников. Каган, судя по всему, оказался в затруднительном положении. С одной стороны, император был родственником, мужем сестры. И Филиппика он задержал. Но, с другой стороны, Юстиниан ярко проявлял свою неадекватность. Восставшие обращались с просьбами отпустить к ним Филиппика. И каган после некоторых раздумий согласился освободить его за выкуп. Предоставив зятя его судьбе.

Она была печальной. Мятежники отправились в Константинополь. Юстиниан, зная о ненависти к нему в столице, бежал в Малую Азию. Был пойман и убит. Прикончили и Феодору. А малолетнего сына, искавшего спасения в алтаре во Влахернском храме Богородицы, вытащили и публично зарезали на городской стене. Херсонес остался за Византией.

В общем-то хазарам в это время было не до Крыма. Арабы наращивали свое присутствие и усиливали власть в Закавказье. Прежние поблажки были отменены. Армянских нахараров (князей) собрали для переговоров в Нахичевань, заперли в церквях и сожгли. Для управления краем назначались наместники халифа. И снова предпринимались попытки прорыва на север. Дербент переходил из рук в руки. В 708 г. арабы смогли его взять и вторглись в Хазарию. В жестоких схватках их выбили, в 711 г. хазары вернули Дербент.

Арабы находились на вершине своего могущества. Они подчинили весь север Африки. Переправились в Испанию, где их радостно поддержало автохтонное население, поскольку прежние завоеватели, вестготы, став правящей верхушкой, нещадно эксплуатировали народ. Владениями халифата стал и юг Франции. Но арабские завоевания вызвали и ряд побочных процессов. Персия была державой весьма терпимой в религиозном и идеологическом отношении. Принимала бежавших от Рима евреев, бежавших из Византии еретиков. Некоторые течения и для Ирана оказывались неприемлемыми. Из него пришлось эмигрировать манихеям, революционерам-маздакитам. Но большинство евреев, каббалистов, гностиков, еретиков, тайных сектантов манихейского толка продолжали гнездиться и плодиться в Персии (что немало способствовало ее внутреннему разъеданию).

Завоеватели-арабы насаждали ислам. Христиан и иудеев терпели, но облагали дополнительным налогом. А радикальных сектантов сурово преследовали. И они выплеснулись прочь, в другие страны. Манихеев приняли лангобарды, их общины возникли в Милане. Византия таких гостей не жаловала, но плохо контролировала свои окраины. Разные секты стали возникать в Малой Азии. В Армении и горах Тавра возникло течение «павликиан» – использовавшее христианскую терминологию, но по сути антихристианское, принявшее манихейские и гностические доктрины. Многие евреи иммигрировали на Северный Кавказ, в Хазарию. Весьма благоприятные условия для сектантов создались и в Средней Азии, которая после гибели Тюркского каганата распалась на ряд независимых и полунезависимых государств.

Самым сильным из них был Хорезм, он отразил несколько арабских наступлений. Но в 712 г. здешние сектанты учинили революцию. Возглавил ее родственник хорезмшаха Хурзад. Как сообщает Табари, «Хурзад расправился с хорезмийской знатью, отнимая у нее имущество, скот, девушек, дочерей, сестер и красивых жен». То есть, действовал так же, как раньше Маздак. Хорезмшах Чаган бежал к арабам и обратился за помощью к полководцу Кутейбе ибн Муслиме. Который не преминул воспользоваться случаем. Поставив условие – принятие хорезмшахом ислама. В условиях революционной смуты овладеть Хорезмом не составило труда. Хурзада и его сторонников казнили, часть их бежала в Хаза-

рию. А жители Хорезма, спасенные Муслимой от маздакитского террора, стали с этого времени ревностными сторонниками ислама и арабов. Завоеватели получили прекрасную базу для дальнейших операций в Средней Азии.

Муслима пробовал нанести и удар по Хазарии. В 713–714 гг. перенес усилия на Кавказ, предпринял походы в Дагестан. Закрепиться там не сумел, но удержал за собой Дербент. Хазарам в этой жестокой борьбе приходилось рассчитывать только на свои силы и на русичей, мадьяров, аланов. А самая могущественная союзница, Византия, фактически выбыла из игры. В ней начали твориться такие же безобразия, как когда-то в Риме: различные группировки военных, разные феоды дрались, усаживая на престол своих императоров. Филиппика сверг и убил Анастасий, его скинул Феодосий, его – Лев III Исавр.

А арабы теснили, отбирали у греков город за городом. В 717 г. положение стало критическим. Тот же самый Муслима, покоритель Хорезма и Дербента, посадил большую армию на суда, переправил ее во Фракию и осадил Константинополь с суши. А арабский флот, 1800 кораблей, вошел в Мраморное море. Однако Лев III оказался умным и деятельным правителем. Он позаботился быстро заключить мир и союз с болгарами, сделав им территориальные уступки, пообещав беспопышную торговлю и ежегодную дань в 30 фунтов золота. И конница хана Тервела стала наносить удары по арабским тылам. А византийский флот, выждав удобный момент, напал на арабский и сжег его «греческим огнем».

Армия Муслимы оказалась отрезана от Азии. В этот момент перешли в наступление и хазары, вторгшись в Закавказье и оттянув арабские силы на себя. А в арабской столице, Дамаске, умер халиф Сулейман. Осадное войско, не получив вовремя подкреплений, зимовало под стенами Константинополя. Несло потери от холода, болезней, болгары не давали ему собирать продовольствие и фураж. Лишь в 718 г. арабы собрали новый флот и отправили Муслиме две эскадры в 760 судов с подмогой и припасами. Но Лев узнал об этом, его огненосные корабли произвели ряд вылазок и опять пожгли неприятельских моряков. В августе Муслиме пришлось снять годичную осаду. Его армия потеряла более 100 тыс. человек. А остатки флота были уничтожены бурей, в Сирию вернулось лишь 5 судов.

На Кавказе же война приобретала затяжной и все более ожесточенный характер. В 721 г. хазары вторглись в Армению, одержали несколько побед, но затем были разбиты. В ответ арабский наместник Армении Абу Убейд Джаррах совершил два набега на Хазарию, взял города Семендер, Беленджер и вернулся с богатой добычей. После этого столица Хазарского каганата была перенесена подальше от опасного региона. Вместо разгромленного Семендера ею стал город Итиль, основанный в низовьях Волги. Туда стали переселяться многие хазарские семьи.

Особенно трудно пришлось каганату, когда против него выступила еще и Алания. Решила воспользоваться войной с арабами и сбросить зависимость от хазаров, ударила по их тылам. Но аланы просчитались. Арабам было безразлично, в какой очередности покорять северные народы. В 724–725 гг., пройдя через Дарьяльское ущелье, они напали на саму Аланию, одолели ее и обложили данью. В 726 г. каган предпринял ответный набег на Закавказье. В 728 г. последовал контрудар арабов. Его отразили, сын кагана Барджиль вторгся в Азербайджан, однако здесь был разгромлен, победители-арабы захватили «знамя в виде медного изображения». А в 732 г. они опять отбили у хазар Дербент, разместив в нем 14-тысячный сирийский гарнизон.

Но непобедимость халифата уже кончалась. Захватив огромные пространства и сражаясь на многих фронтах, он разбросал свои силы. Арабские воины и военачальники в богатых покоренных городах входили во вкус роскоши и житейских благ. Прежние монолитные контингенты разбавлялись исламизированными местными народами. Которые нередко были не прочь повоевать и пограбить, но и власть халифа терпели лишь вынужденно. С 733 г. пока- тилась череда восстаний по Средней Азии. Нередко их инициировали те же сектанты и рево-

люционеры-маздакиты, но теперь они выступали под антиарабскими лозунгами и получали широкую поддержку. В 735 г. восстала против захватчиков и Грузия.

Для ее усмирения наместником Армении и Азербайджана был назначен полководец Мерван. В памяти грузин он до сих пор остался одним из самых страшных завоевателей. Прошелся с большим войском по мятежной стране и буквально залил ее кровью. Большая часть городов была разрушена. Население подвергалось массовым казням. Его сгоняли в огромные толпы, и Мерван одним мановением руки осуждал всех на смерть. Множество обреченных, невзирая на пол и возраст, выстраивали в очереди к палачам или укладывали рядами и рубили головы. Других сжигали, топили, сбрасывали в пропасти.

Превратив Грузию в пустыню, Мерван собрал вспомогательные части из кавказских народов, доведя армию до 150 тыс. бойцов. И в 736 г. двинулся на север. Пройдя через ущелья Кавказа, занял Аланию, покорил царство лакцев. А в следующем, 737 г., ударил на хазар. Его войско достигло Волги. Каганат смог выставить лишь 40 тыс. воинов. Они отошли на левый берег Волги и отступали на север. А арабы следовали за ними по правому берегу. Некоторое время две армии двигались параллельно. Хазары, отделенные от врага широкой рекой, чувствовали себя недосягаемыми. Но Мерван, дав им привыкнуть к такому положению и усыпив бдительность, внезапно навел понтонный мост и перебросил через Волгу отборный отряд арабов, который напал на хазар врасплох, вызвал панику. Каган бежал, 10 тыс. его воинов было убито, 7 тыс. взято в плен.

После этого разгрома Хазария запросила мира. Мерван потребовал от кагана принятия ислама и признания власти халифа, и тот вынужден был согласиться. Но и арабские силы были уже на излете. По халифату катились смуты и волнения. Мерван прекрасно понимал, что прочное покорение северных земель слишком затруднительно, а надолго увести армию из Закавказья опасался. Поэтому удовлетворился формальным признанием подданства и повернул назад. На обратном пути у некой «славянской реки», очевидно, Дона, он захватил и угнал 20 тысяч семей «сакалиба» – славян. Но когда их довели до арабских владений, они взбунтовались, перебили стражу и поставленного над ними эмира и двинулись на родину. Против них бросили войска, окружили и поголовно истребили.

В последующие годы Мерван еще сумел покорить царства горного Дагестана. Однако халифат начинал рушиться. В нем разгорались гражданские войны. В 739 г. византийцы нанесли ему сокрушительное поражение при Акроине. В 743 г. Мерван покинул Закавказье, вернулся в Дамаск и стал халифом. Царствовать ему довелось недолго. Вспыхнуло восстание Абу-Муслима, Мерван погиб, и на нем закончилось владычество династии Омейядов. Мятежники возвели на престол династию Аббасидов, а столица была перенесена в Багдад.

Во многих арабских владениях узурпаторов не признали. В Испании взяли верх сторонники Омейядов. В других регионах нашлись свои кандидаты на власть. Для местных народов поддержка таких претендентов отвечала их сепаратистским тенденциям. И в середине VIII в. Арабский халифат развалился на части. Хазары же после ухода армии Мервана об условиях капитуляции больше не вспоминали. И вхождение Северного Кавказа и Поволжья в Арабский халифат осталось только бумажным актом, соблюдать который одна из сторон не собиралась, а вторая уже не могла ее заставить. Границей остался Кавказский хребет. Таким образом, в ходе почти столетней борьбы хазары и русичи отстаивали свою независимость. Да и не только свою. Защищали от арабских завоевателей всю Восточную Европу.

Славянская цивилизация

Нетрудно увидеть, что основные потрясения, связанные с нашествиями тюрков и арабов, практически не задели области расселения западных и восточных славян. И в период с VII до конца VIII – начала IX в. их цивилизация достигла расцвета. Кстати, еще раз стоит коснуться нарочитой предвзятости научной терминологии. В случаях, когда речь идет о германских или кельтских общностях, историки смело обозначают их «королевствами», хотя бы это королевство состояло из нескольких деревень. Если же речь идет о славянах, то и зарубежные, и отечественные авторы скромненько скажут «племя». Там, где у кельтов или германцев фигурирует «король», у славян обязательно будет «вождь», а вместо города или замка – «городище». Сами понимаете, что такая терминология невольно вызывает перед глазами картину племени дикарей в звериных шкурах. И чтобы правильно представлять отечественную древнюю историю, читателю необходимо помнить и делать поправку: там, где обозначено «племя», чаще всего следует понимать государство, княжество.

В описываемую эпоху выделился ряд государств у полабских и прибалтийских славян. У подножия Ютландского полуострова и к востоку от него, на землях нынешнего Мекленбурга располагалось княжество бодричей (ободритов). К югу от них, до Хафеля и Шпрее, лежала страна лютичей (они же вильцы или волки). Еще южнее располагались земли лужичан – вдоль средней Эльбы, от Салы (Заале) до Нейсе. На восток от этих трех княжеств лежали другие. По берегам Балтики от территории ободритов до Одры (Одера) лежало государство вагров. К востоку от него – ругиев, им же принадлежал остров Рюген (он же – Рюян или Буян русских сказок). От Одера до Вислы находились владения поморян. А еще восточнее, за Вислой – пруссов. Это были сильные княжества, по уровню развития ничуть не уступавшие другим европейским государствам своей эпохи. Кстати, тогдашние германские хроники в полной мере это отмечали и отзывались о них весьма уважительно. Великих князей обозначали титулом «рекс» – король или царь, а подчиненных им племенных князей – «герцогами» или «графами».

На севере Польши существовало княжество мазовшан, на юге – ляхов. В Центральной Европе после освобождения из аварской неволи возникли государства чехов и моравян. Ну а в Восточной Европе жили славянские народы, известные нам по летописям. На Волхове и у Ладоги – словене. От Псковского озера до Смоленска расселились кривичи. В Белоруссии – полочане, дреговичи. В Прикарпатье – белые хорваты. На Западной Украине – воыняне (дулебы). В Полесье – древляне. В Среднем Поднепровье – поляне, по Днестру – тиверцы, по Южному Бугу – уличи. На Левобережье Днепра до Дона – северяне.

Причем эти этнонимы означали не отдельные племена, а большие племенные союзы, имевшие государственную организацию. О чем упоминает и Нестор, сообщая, что по смерти Кия, Щека и Хорива «потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у словен в Новгороде свое...» Где-то в VII в. с запада, «от ляхов», переселились радимичи и вятичи. Может быть, они уходили от Аварского каганата, а может, были вытеснены в междоусобицах с другими славянами. Радимичи осели в Среднем Поднепровье на р. Сож, а вятичи сначала обосновались в бассейне Десны, распространяясь на восток, к Оке. Что касается народа русов, то он все еще выделялся из славян, но разбился по различным княжествам. Часть русов оставалась на Балтике – рароги, ругии. Часть примкнула к словенам, основав у оз. Ильмень Старую Руссу. Часть вошла в княжество полян. И значительное число – в союз северян. Анонимный баварский географ начала IX в. перечислял разные общности русов:

«аттросы», «виллросы», «забросы», «хозироты». А основными из них считал две – балтийскую и живущую рядом с хазарами. То есть в земле северян.

Это согласуется и с другими источниками. Восточные авторы часто называют северян «русами», отличая их от чистых славян – «сакалиба». Хотя некоторые из них, например, Ибн-Хордабег, все же уточняют, что «руосы» – это племя из славян. Лиутпранд Кремонский помещал русов на юге, рядом с хазарами и печенегами, а Ибн-Хаукаль сообщал, что «русы – варварский народ, живущий в стороне болгар (камских), между ними и сакалиба», причем «Куяба» (Киев) принадлежал не им, а «сакалиба», из чего еще раз видно отождествление русов именно с северянами. Да и во времена Киевской Руси термин «Русская земля» нередко применялся по отношению к Северскому княжеству – в данном смысле он употребляется и в «Слове о полку Игореве», и у Черниговского игумена XII в. Даниила.

Правда, Ибн-Фадлан и ряд других арабских авторов помещают страну или столицу русов на некоем «острове». И многие исследователи, вдохновившись подобным указанием, начинают выискивать эту страну неведь где, вплоть до мелких островков Черного и Азовского морей. Чем проявляют свою не очень-то высокую компетентность. Потому что арабы – уроженцы пустынь, и слово, переводимое как «остров», в их языке отнюдь не тождественно нашему. Для нас с вами «остров» – участок суши, окруженный водой. А в арабском языке – участок местности, который вообще каким-то образом отделен от окружающего пейзажа. Арабским «островом» может быть оазис в пустыне, роща в степи, и наоборот, открытый участок среди лесов. Словом, такая локализация может соответствовать любому славянскому городу. Хотя, с другой стороны, Ибн-Фадлан писал о неких вполне конкретных русах, которых встречал в X в. в Булгаре, и речь может идти об острове Рюген.

Славянская цивилизация отнюдь не была бедной и замурзанной «золушкой» по сравнению, например, с германской. Напротив, славянские страны процветали. Ибн-Якуб, объездивший всю Европу, называл эти страны «наиболее богатыми продуктами питания» и писал, что «славяне с особым усердием занимаются земледелием и поисками средств к жизни, в чем они намного превосходят все северные народы». Уже с VII–VIII вв. прежнее подсечное земледелие повсюду заменилось трехпольем. Для вспашки стала применяться соха со стальным наконечником, образцы которой обнаружены в Ладоге и Сумской обл. Кроме зерновых культур, выращивались огурцы, свекла, гречиха, горох, репа, капуста, лук, чеснок, а также технические культуры – лен, конопля. В садах произрастали уже все современные виды плодовых деревьев и кустарников, в южных районах – персики и виноград. Было очень развито и животноводство.

Особенно высокого благосостояния достигли прибалтийские княжества, избежавшие аварского нашествия. Здесь располагалось множество крупных городов: Зверин (Шверин), Рарог (Рерик), Стариград (Ольденбург), Волин, Микелин, Аркона, Дымин, Велиград, Коданьск (Гданьск), Ратибор (Ратценбург), Бранибор (Бранденбург), Щетин (Щецин), Ретра и др. Адам Бременский называл Волин (он же Виннета) «самым большим из всех городов Европы». Славились своим богатством и красотой Ретра, имевшая девять ворот и монументальные храмовые комплексы, а также Микелин, Аркона. Рерик считался крупнейшим портом на Балтике. Каждый город являлся административным, военным, религиозным и хозяйственным центром того или иного племени. А у нескольких племен, составлявших княжество, был более крупный город, представлявший столицу государства.

В VII – начале IX вв. и княжество словен с центром в Ладоге (Новгорода еще не существовало, он возник позже) тяготело не к поднепровским, а к прибалтийским славянским землям. С ними и связываться было удобнее. Балтика предоставляла такие же возможности коммуникаций, как Эгейское море для греков. Было очень развито судостроение, мореходство. Между Ладогой и Южной Прибалтикой существовали промежуточные славянские базы – Ротала в Эстонии, Виндава на берегу Рижского залива. Не позже, чем с VIII в. Ладога была связана регулярными морскими сообщениями с Арконой, Щетином, Коданьском, Рери-

ком и другими портами, с германским городом Дорестад в низовьях Рейна. А в самой Ладоге обнаружены следы пребывания скандинавов.

Любопытно, что в письмах последующих новгородских священников упоминаются местные легенды, подобные ирландским или греческим, – о том, как ладожские моряки добирались до края света, до неких «райских» островов или, наоборот, населенных чудовищами. Через земли славян проходил древний «Янтарный путь» из Прибалтики и далее по Оке и Волге в страны Востока. Не позже VII в. на внутриславянском рынке получили хождение «меховые» деньги, а с VIII в. они стали вытесняться металлическими. В раскопках обнаруживается большое количество арабских, византийских, франкских монет.

В Центральной Европе из крупных славянских центров выделялась Прага – город, который, согласно Ибн-Якубу, «выстроен из камня и извести и есть богатейший из городов торговлей». Славились также Велеград, Краков, Коуржим, Будеч, Тетин, Казин, Девин. Но и в Восточной Европе городов было уже много. Нелишне вспомнить, что скандинавы еще до летописных времен называли Русь «Гардарика» – «Страна городов». У Ибн-Якуба сохранилось описание, как они возводились: «Славяне строят большую часть своих градов таким образом: они направляются к лугам, изобилующим водой и зарослями, и намечают там круглое или четырехугольное пространство, в зависимости от величины и формы, которую желают придать граду. Затем они выкапывают вокруг ров и выкопанную землю сваливают в вал, укрепивши его досками и сваями, наподобие шанцев, пока вал не дойдет до желаемой высоты. Тогда отмеряются в нем ворота, с какой стороны им угодно, а к воротам можно подойти по деревянному мосту».

Вал, укрепляемый «досками и сваями», – это обычная для славянских городов стена из деревянных срубов, заполненных внутри землей или камнями. Правда, как показывает археология, большинство «городов» представляли собой лишь крепости, внутри которых насчитывалось по 30–40 домов. Но и в восточнославянских княжествах имелись крупные административные, торговые и ремесленные центры. Например, Киев – иностранные источники и данные археологии опровергают сообщение Нестора, что до варягов он был «маленьким городком». Можно перечислить и Смоленск, Любеч, Чернигов, Псков, Изборск, Искоростень, Гнездово, Сарское городище под Ростовом, Тимиревское – под Ярославлем, Галич, Сутейск, Переяславль, Ростов, Витебск, Суздаль, Муром, городища Титчиха, Новотроицкое, Горнальское, Червона Диброва. Тут найдены остатки укреплений, древние святилища, велась торговля, улицы оборудовались деревянными мостовыми. В этих городах жили воины, искусные кузнецы, гончары, литейщики, косторезы, ювелиры, ткачи. Археологи находят женские украшения, ритуальные предметы, дорогие привозные вещи. Найдены и инструменты ремесленников – часто довольно сложные и совершенные.

Арабы отмечали у восточных славян три самых сильных государства: Куяба, Арасания и Славия. Куяба – это Киев, княжество полян, Арасания – земля русов, княжество северян. А Славия – Ладога, княжество словен. Но в VII–VIII вв. в Южной Руси лидировали еще не поляне, а северяне. Они чаще упоминаются в иностранных источниках, и археология показывает, что они жили гораздо богаче своих соседей. Как уже отмечалось, они постоянно выступали союзниками хазар. Мы многого не знаем. До нас не дошло ни одной северской летописи – возможно, они были уничтожены в ходе борьбы киевских Мономашичей и черниговских Ольговичей. Но народные предания сохранили имя князя Черного, основателя Чернигова, похороненного в знаменитом погребении Черной Могилы с богатейшей утварью. Да и во времена Киевской Руси Северщина еще не утратила былого величия. По подсчетам В. Чивилихина, в ней было больше городов, чем во всех других русских княжествах. Четвертая часть всех известных русских городов располагалась в Северском крае. И Чивилихин на множестве примеров показал, что если Киев стал административно-политическим центром Руси, то Чернигов оставался ее культурным центром.

Как же жили наши далекие предки? Сефрид писал о «чистых и нарядных избах», многие авторы отмечали, что славянские «постройки отличались красотой». Дома строились из больших бревен с двухскатной крышей, чаще всего они состояли из двух помещений – сеней и большой комнаты с очагом. Славяне были очень чистоплотны. И «Повесть временных лет» в первых же строках сообщает о парной бане. Обычной одеждой мужчин были льняная рубаша и штаны, дополняемые меховой или войлочной шапкой и накидкой из меха или овчины, а у женщин – рубаша или сарафан. Выделывались и шерстяные ткани. И, как показывают находки археологов, в отличие от германских государств, у славян они были доступны не только знати, но и простонародью. Те же находки, в опровержение представлений о «лапотной Руси», свидетельствуют о широком распространении кожаной обуви.

Высокого уровня достигли ремесла: кузнечное, оружейное, ткацкое, гончарное, ювелирное. Многие украшения, обнаруженные в славянских кладах и погребениях, представляют собой настоящие шедевры искусства. Например, браслеты с изображениями сказочных птиц, кентавров, гусляров, плясуней. Или колты, гривны, цепочки и броши тончайшей работы. Браслеты славянки надевали не только на запястья, а и на щиколотки. А вот серьги не носили. Серьга в ухе была украшением мужчины-воина. А женщины и девушки предпочитали такие изделия, для которых уши прокалывать не требовалось. Чаще всего – височные кольца, вплетавшиеся в прическу. Или колты – фигурные подвески, крепившиеся к ленте, обвязывавшей волосы, или к головному убору. Иногда их делали полыми и вовнутрь наливали по капельке благовоний.

Умели славяне и веселиться. На одном из браслетов сохранилось изображение нарядных женщин, весело пляшущих под музыку. Существовала своя эпическая поэзия. Исследования однозначно доказали, что многие былины восходят к дохристианским временам. Кстати, русский эпос был известен и на Западе. В германской «Саге о Тидрике Бернском», записанной в X в., и поэме «Ортнит», созданной в начале XIII в., среди героев упоминается Илья Муромец – там его зовут Илиас, Илиас фон Руссен, и он выступает могучим и благородным рыцарем. Следы древней поэтической традиции явно видны в языке, которым написана «Велесова Книга», в дошедшем до нас «Бояновом гимне», «Слове о полку Игореве», в некоторых народных песнях, знахарских заговорах.

Была и дохристианская письменность. Дитмар Мерзебургский, Адам Бременский, Саксон Грамматик, Гельмгольд сообщают о надписях в прибалтийских славянских храмах. А в воспоминаниях Ибн-Фадлана язычники-русы подписывают на надгробии имя покойного и имя «своего царя». Какой была эта письменность? В алфавите, которым написана «Велесова Книга», некоторые буквы – греческие, а другие повторяют германские руны или сходны с ними. И если вспомнить указание Черноризца Храбра об изначальной славянской письменности из «черт и резов», то ясно, что имелись в виду руны. Они не случайно состоят из прямых линий, без закруглений – чтобы их было удобно чертить на камне или вырезать на дереве.

Вероятно, сперва письмо относилось к жреческим тайнам, но со временем получало все более широкое распространение. Взяв хотя бы огромное количество «берестяных грамот», обнаруженных в Новгороде. Записками обменивались люди самых различных сословий по разнообразным мелким бытовым поводам. Муж просил жену передать забытую вещь, а слуга напоминал хозяину о покупке вина к празднику Велеса. Даже сапожники подписывали свои колодки. То есть грамотность была всеобщей. Правда, найденные грамоты относятся уже к X в. Но это дата не появления письменности, а основания Новгорода. Почва которого оказалась благоприятной для сохранения бересты. А тот факт, что письменность существовала не только здесь, доказан находкой двух берестяных грамот в Смоленске. И обнаруженного здесь Д. В. Авдусиным глиняного сосуда с надписью «горушна» – «горчица». Сосуда весьма скромного и грубоватого, явно принадлежавшего не княжеской

или боярской семье. Разумеется, столь широкое употребление письма внедрилось не сразу, а постепенно. Но и произошло это, конечно, не с нуля, не на пустом месте. А на основе давней письменной традиции.

Впрочем, средневековых авторов в большей степени интересовало не культурное развитие, а воинская сила славян. А бойцами они были отменными. Имели прекрасное снаряжение: остроконечные стальные шлемы (причем уже были известны шлемы с забралами), брони и кольчуги, щиты. Хотя по-прежнему иногда шли в бой полураздетыми в знак презрения к опасности. Вооружение состояло из мечей, боевых топоров, копий или бердышей и луков со стрелами. Чаще сражались пешими – боевым строем был клин, так называемая «кабанья голова». Но имела и конница. А прибалтийские славяне, ладожане и северяне умели действовать и на море.

В отечественной литературе с какой-то стати создавалось представление о некоем чрезмерном миролюбии славян. Их традиционно изображали эдакими безобидными землепашцами, противопоставляя западным и восточным «хищникам». Очевидно, авторы старались перенести собственную психологию и представления о «хорошем» и «плохом» на людей далекого прошлого. Что весьма некорректно. В VIII–IX в. высшей добродетелью у славян считалась воинская удаля, а кроткий и смирный «идеал», нарисованный писателями XIX–XX вв., выглядел бы просто патологией и не смог бы выжить в тогдашнем суровом мире. У славян уже выделились профессиональные воины-дружинники. Однако и землепашцы хорошо владели оружием. И брались за него не только для самообороны. Сходить в набег на тех или иных соседей (с которыми, как водится, имелись и «идеологические» счеты), приобрести славу и богатые трофеи – на это всегда хватало желающих. Ибн-Мискавейх писал: «Хорошо, что русы ездят только на ладьях, а если бы они умели ездить на конях, то завоевали бы весь мир». С ним был согласен и Аль-Бекри: «Славяне – народ столь могущественный и страшный, что если бы они не были разделены на множество поколений и родов, никто в мире не мог бы им противостоять».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.